

БЕНГТ ЯНГФЕЛЬДТ

ПОБЕДИ В РОССИИ

**КАК СЕМЬЯ ШВЕДСКИХ ИЗОБРЕТАТЕЛЕЙ
СОЗДАЛА ЦЕЛУЮ ПРОМЫШЛЕННУЮ
ИМПЕРИЮ**

Путешественники во времени (Эксмо)

Бенгт Янгфельдт

**Нобели в России. Как семья
шведских изобретателей создала
целую промышленную империю**

«Эксмо»

2020

УДК 929 Нобели
ББК 72.3(0)+65.29

Янгфельдт Б.

Нобели в России. Как семья шведских изобретателей создала целую промышленную империю / Б. Янгфельдт — «Эксмо», 2020 — (Путешественники во времени (Эксмо))

ISBN 978-5-04-161438-6

Коротко звучащая шведская фамилия Нобель ассоциируется как в Швеции, так и в России с Альфредом Нобелем — шведским химиком, инженером и учредителем Нобелевской премии. Однако историю его семьи — длинную, увлекательную и бесконечно соединенную с Россией — следует связать и с его отцом, братьями и другими членами семьи. Все они были гениальными изобретателями и талантливыми предпринимателями: отец Иммануил руководил фабрикой, которая поставляла российскому флоту паровые машины и подводные мины; Людвиг превратил дело отца в один из самых успешных машиностроительных заводов России, который еще и поставлял на российский рынок дизельные двигатели, а Роберт заложил основу для нефтяной компании «Бранобель». Бенгт Янгфельдт, известный шведский русист, писатель, ученый и переводчик, описывает исключительную историю успеха семьи Нобель в России с помощью ранее не использованных архивных материалов. «Нобели в России» — первая научная работа о семье Нобель, которая окажется маленьким шедевром и расскажет о самой природе гениальности этой выдающейся семьи, ее изобретательности и невероятной предприимчивости. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 929 Нобели
ББК 72.3(0)+65.29

ISBN 978-5-04-161438-6

© Янгфельдт Б., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Предисловие	7
I	8
Иммануил Нобель	8
В море	12
Триумфальная арка короля Карла XIV Юхана	17
Королевская академия свободных искусств и Фредрик	19
Блюм	
Изобретатель	20
Гумми эластикум	24
Ларс Габриэль фон Гартман	33
Иммануил Нобель и сыновья	38
Город на Неве	40
Опыты со взрывчатыми веществами	41
Привилегированная фабрика полковника Огарёва и г-на	48
Нобеля	
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Бенгт Янгфельдт

Нобели в России. Как семья шведских изобретателей создала целую промышленную империю

Immanuel Nobel & Söner:
svenska snillen i tsarernas Ryssland
Bengt Jangfeldt

© Bengt Jangfeldt

First published by Albert Bonniers förlag, 2020, in collaboration with Centre for Business History Published in agreement with Banke, Goumen & Smirnova Literary Agency

Проект русскоязычного издания о семье Нобелей был инициирован Центром истории шведского бизнеса – одним из ведущих бизнес-архивов в мире. Исторические документы более чем 7000 шведских компаний хранятся в архивных помещениях в стокгольмском районе Бромма. Основная миссия центра – хранить и распространять историю шведских предприятий, равно как их значение в истории Швеции.

Основным источником финансирования проекта выступает SAUR – фонд, который направляет частные благотворительные средства на достойные инициативы в России. Ключевые участники: Фонд Адольфа Лундина и ассоциация крупных шведских компаний, работающих в России, – Цстkontoret. Кроме того, русскоязычное издание получило поддержку четырех компаний, которые пришли в Россию до революции, вдохновившись успехом Нобелей. Свои истории они рассказывают в приложении книги.

Наконец, проект поддержало большинство участников процесса возвращения Швеции в российский бизнес в 1990-х годах, когда страна вновь открылась для зарубежных партнеров после 75-летнего перерыва. Издание в Швеции было осуществлено благодаря поддержке Фонда Марианны и Маркуса Валленбергов, Фонда 300-летия государственного банка Швеции, а также Фонда Строительной фирмы Улле Энгквиста.

© Янгфельдт Б., Азбель В., перевод на русский язык, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Предисловие

Имя Нобель ассоциируется прежде всего с Альфредом Нобелем. Это естественно, учитывая премию, учреждённую им более ста лет назад. Многим, но далеко не всем, известно, что он был выдающимся учёным и талантливым предпринимателем. Еще менее известно, что открытие нитроглицерина в качестве взрывчатого вещества, получившего потом название динамит, было сделано им в тесном сотрудничестве с отцом Иммануилом.

Альфред Нобель происходил из чрезвычайно одарённой семьи. Его отец – гений-универсал, которому подобных мало: архитектор, изобретатель, инженер, конструктор. И всё это имея в багаже лишь несколько лет образования.

Иммануил Нобель строил первый понтонный мост в Швеции, проектировал здания, изобретал подводные мины, конструировал паровые двигатели и многое другое. По его стопам пошёл не только Альфред, но и его братья Людвиг и Роберт.

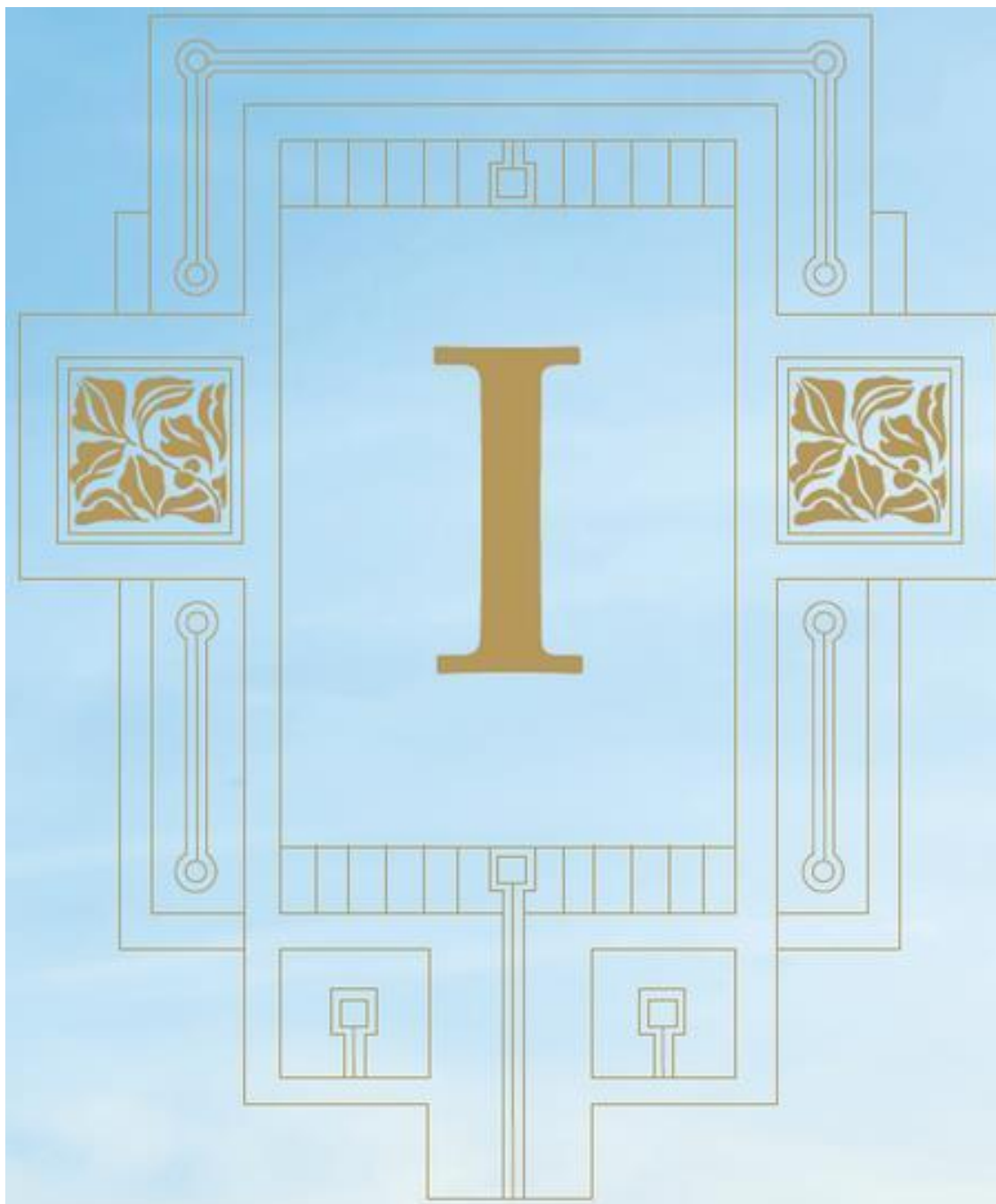
Братья родились в Стокгольме, но выросли в Петербурге, где отец управлял механической мастерской. Прожив в российской столице двадцать один год, Альфред вернулся в Швецию, но его братья остались в России. Людвиг превратил механическую мастерскую в один из самых успешных российских машинных заводов, а Роберт стал основателем «Бранобеля», крупнейшей нефтепромышленной компании России. Сын Людвига Эммануил сделал промышленную империю Нобелей одной из самых могучих в стране.

Всё это исчезло в революционных бурях 1917 года, упразднивших частное предпринимательство. Нобелям пришлось покинуть Россию, где они жили с 1838 года. В Советском Союзе их имя кануло в забвение.

Нобели были не только успешными предпринимателями, но и первопроходцами в своем отношении к рабочей силе. Уже в 1870 году они ввели систему распределения доходов, по которой инженеры и служащие получали до 40 % от прибыли. Для работников механического завода в Петербурге и нефтяных предприятий в Закавказье строилось жильё и открывались школы для их детей. Во время Первой мировой войны в зданиях предприятия размещались госпитали Красного Креста. Члены семьи Нобелей были образцовыми капиталистами в стране, всегда испытывавшей недостаток благосостояния и демократии.

Учреждением своей премии Альфред Нобель приобрёл международную славу. Не будь этой премии, он не был бы таким известным. Или же его знали бы как изобретателя и предпринимателя, обогатившегося на производстве взрывчатых веществ и военной техники. Деяния отца и братьев Альфреда были не менее примечательными. Как распределился талант внутри предпринимательской семьи «Иммануил Нобель и Сыновья», на самом деле, вопрос открытый. Данная шведско-русская семейная хроника является попыткой дать на него ответ.

I

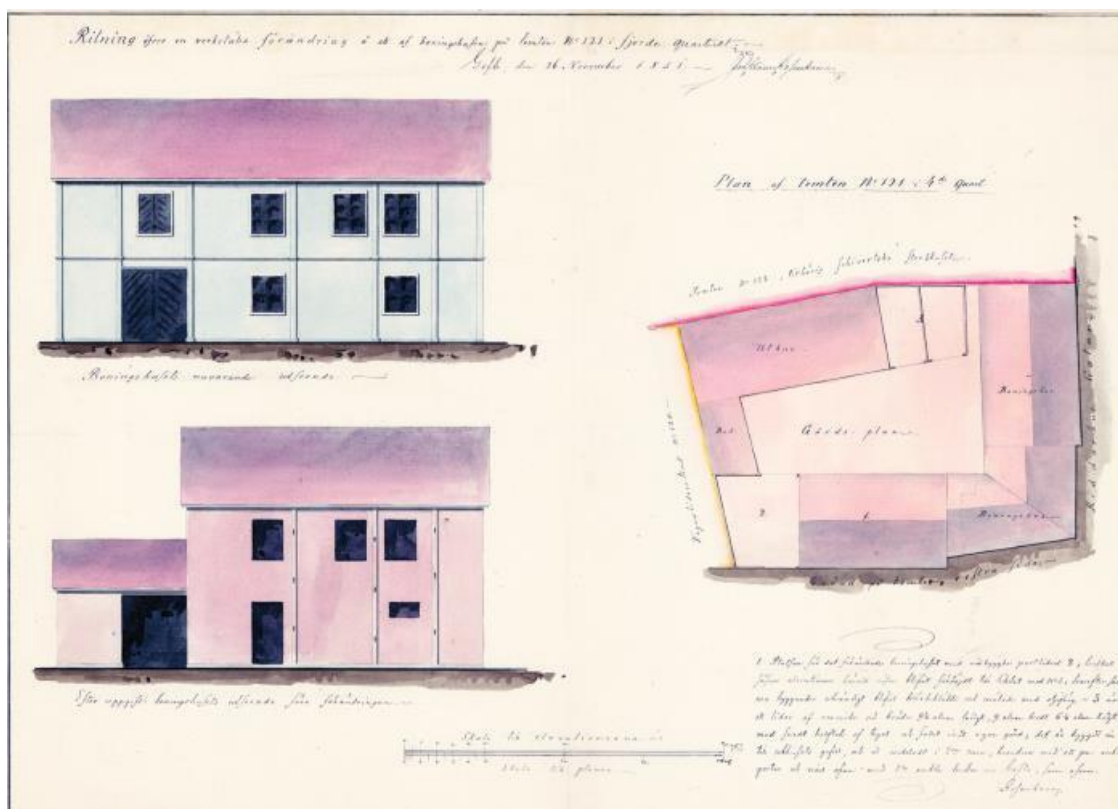
Иммануил Нобель

20 декабря в 1838 году начинается первая глава семейной и деловой хроники, беспрецедентной не только в шведско-русской истории, но и в мировой. В этот день была заложена основа влиятельной и богатейшей промышленной империи, аналогов которой в мире единицы.

Все началось в городе Евле (Gävle), где 24 марта 1801 года появился на свет Иммануил. Он был первым ребенком от брака Иммануила Нобеля-старшего (1757–1839) с Бритой Катариной (Кайсой) Альберг (1770–1823). Каждый из них ранее уже был в браке. Иммануил-старший потерял свою первую жену Анну Русель в 1795-м, а Брита Катарина – своего мужа Бернда Мессмана в 1798 году.

Иммануил Нобель-старший был фельдшером, а затем госпитальным врачом и нес службу не только в Швеции, но и в Финляндии. Во время войны с Россией в 1788 – 1789 годах он едва не попал в плен в битве при Свенсксунде. В 1790-е годы он работал в городах Венерсборг и Бурос, а в 1800 году поступил на службу в качестве «провинциального медицинского помощника» (что соответствовало статусу провинциального лекаря) в городе Евле, в ста семидесяти километрах к северу от Стокгольма, где проживал и работал кожевником его старший брат Улоф. Именно там он встретил свою вторую жену. Они повенчались 29 июня 1800 года, и ровно девять месяцев спустя родился первенец пары Иммануил. В 1803 году родилась дочь Бетти, а два года спустя – еще одна девочка, Амалия. Семья Нобель проживала в доме, доставшемся Брите Катарине по наследству от погибшего мужа. У супругов были дети от предыдущих браков. Иммануил-старший воспитывал семилетнюю Анну-Шарлотту, а Брита Катарина – одного сына и двух дочерей. Таким образом, в семье росли семеро детей: Иммануил с двумя своими сестрами, сводная сестра по отцу и брат и еще две сестры по матери. Несмотря на все трудности, брак был хорошим, хотя прокормить и воспитать семерых детей было делом нелегким.

Двор 121 в 4-м квартале, где вырос Иммануил, до его перестройки в 1851 году (нижнее здание)

Некоторое время Иммануил-старший работал лазаретным фельдшером на севере страны, в городе Сундсвалле. В 1808 году претендовал на вакансию городского врача. Однако его кандидатура оказалась невостребованной, и он вернулся в Евле.

У Иммануила-старшего были далекоидущие планы на первого сына. Он желал, чтобы тот пошел по его стопам и продолжил династию врачей. Но перспектива многолетнего обучения молодого Иммануила не вдохновляла. Мечту главы семейства осуществил его пасынок Бернхард Мессман (который был старше Иммануила на одиннадцать лет). В 1810 году он сдал выпускные экзамены в Уппсальском университете, а затем служил полковым врачом при батальоне лейб-гвардии Свеа в Стокгольме.

Нерасположенность к кропотливой учебе Иммануила компенсировалась золотыми руками. Молодой человек отличался практичностью и какое-то время был учеником сапожника. После восьми месяцев освоения ремесла Иммануил был способен изготавливать для всей семьи «вполне сносную обувь».

Также молодой человек был весьма находчив и «баловался экспериментами, полезность которых никто не мог распознать и которые имели мало общего со школьным заданием». Например, однажды он увидел, как отец зажег кусок бумаги при помощи увеличительного стекла (в начале XIX века спичек еще не существовало и огонь высекали при помощи кремня и огнива). Однако величины стекла было недостаточно для подкуривания трубки. Тогда Иммануил взял кусок льда, вырезал из него ровную пластину, поместил в деревянную рамку, рукой придав ей форму линзы и, поймав луч солнца, сумел зажечь трубку отца. В другой раз, оказавшись запертым на чердаке, Иммануил вместо того чтобы звать на помощь, попытался выбраться своими силами. Инструментами для спасения послужили старый зонт и рыболовная сеть. Юноша сконструировал подобие парашюта – набросил сеть на зонт, чтобы тот не вывернуло наизнанку – и выпрыгнул из чердачного окна.

К рассказам такого рода, как правило, стоит относиться с осторожностью, поскольку задним числом они могут быть истолкованы как предсказания грядущего величия. Однако, как мы увидим, к Иммануилу подобные сомнения отношения не имеют.

О школьных годах Иммануила известно немного. Он посещал начальную школу в городе Евле, но как долго – неясно. Регистрационные книги тех времен сохранились частично. Судя по всему, он отучился всего несколько лет. След школьных достижений сохранился в виде награды в размере 12 шиллингов за пение, которую он получил в 1811 году, что свидетельствует о музыкальности Иммануила.

В начале XIX века в Евле было очень развито судостроение, а городской порт был самым крупным в Швеции. При этом населяло город не более пяти тысяч человек. Всего в Евле насчитывалось семь судоходных компаний и восемьдесят судов. В период навигации до 38 процентов покидающих порт судов направлялись в Средиземное море, не менее востребован был курс в Англию. Случалось, что корабли из Евле пересекали океаны и заходили в порты Южной и Северной Америки, Азии и Австралии. Основная деятельность города была связана с фрахтовым и каботажным делом, кораблестроительством, судоходством и торговлей. Для юного жителя Евле профессия моряка была естественным выбором, и многие мальчики предпочли море школе.

Море манило и молодого Иммануила. На досуге он рисовал шхуны и корабли. Талант проявлялся столь явно, что отца уговаривали отдать мальчика учиться кораблестроению. Инициатива исходила от капитана и кораблестроителя Юхана Улофа Острёма (1788–1820), который был женат на Магдалене, сводной сестре Иммануила. Благодаря его протекции тринадцатилетний Иммануил впервые отправился в плавание.

Море у мальчика было в крови. Дед по материнской линии заведовал Евльским портом, а первый муж Бриты Катарини, Берндт Мессман, служил капитаном торгового судна. Факт гибели супруга в Северном море не страшил ни Бриту Катарину, ни юного Иммануила, поэтому 15 июня 1815 года корабль с новоиспеченным юнгой на борту направился в Средиземное море.

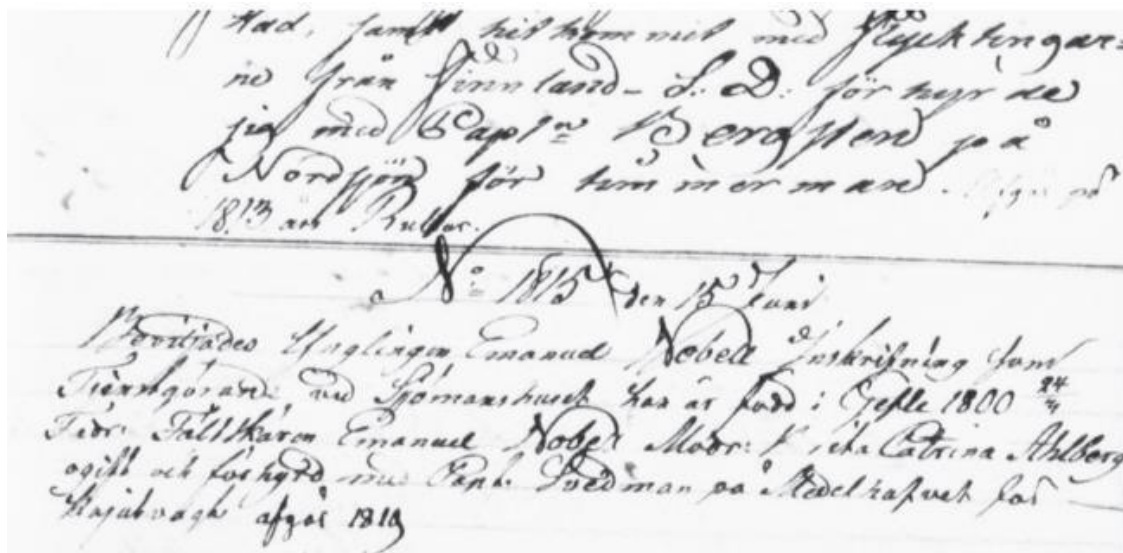
Сим подтверждается найм подростка Иммануила Нобеля, несущего службу при Доме моряков <...> он рожден в Евле в год 1800-й, 24 марта <...>] Отец: фельдшер Иммануил Нобель, мать: Брита Катарина Альберг. Неженат. Нанят капитаном Сведманом каютным юнгой, для плавания в Средиземном море <...>¹

Корабельная верфь и школа в Евле. Последняя спроектирована Фредриком Блумом в 1813 году. Акварель Фердинанда Толлина. 1840-е годы

В море

Фрегат «Тетис» покинул Евле с грузом, состоящим из «железа, досок и балок». Команда включала 12 – 14 человек. «Тетис» заходил в средиземноморские порты, где дополнительно загружались дрова (их продавали на развес, поэтому для утяжеления древесины торговцы обильно поливали ее водой), соль и люпины. А чтобы окупить расходы на обратный путь, в трюмах перевозили ртуть, ткани и деньги (испанские пиастры). Кораблем управлял капитан Петтер Сведман, который вскоре после отплытия умер. Его преемником стал капитан Хольм-странд, но команда прозвала его Дыгой – сокращенно от «забулдыги». По воспоминаниям Иммануила, новый капитан был «грубым, запойным и неотесанным проходимцем <...> ничто не ценящим, помимо бутылки с водкою и денег».²

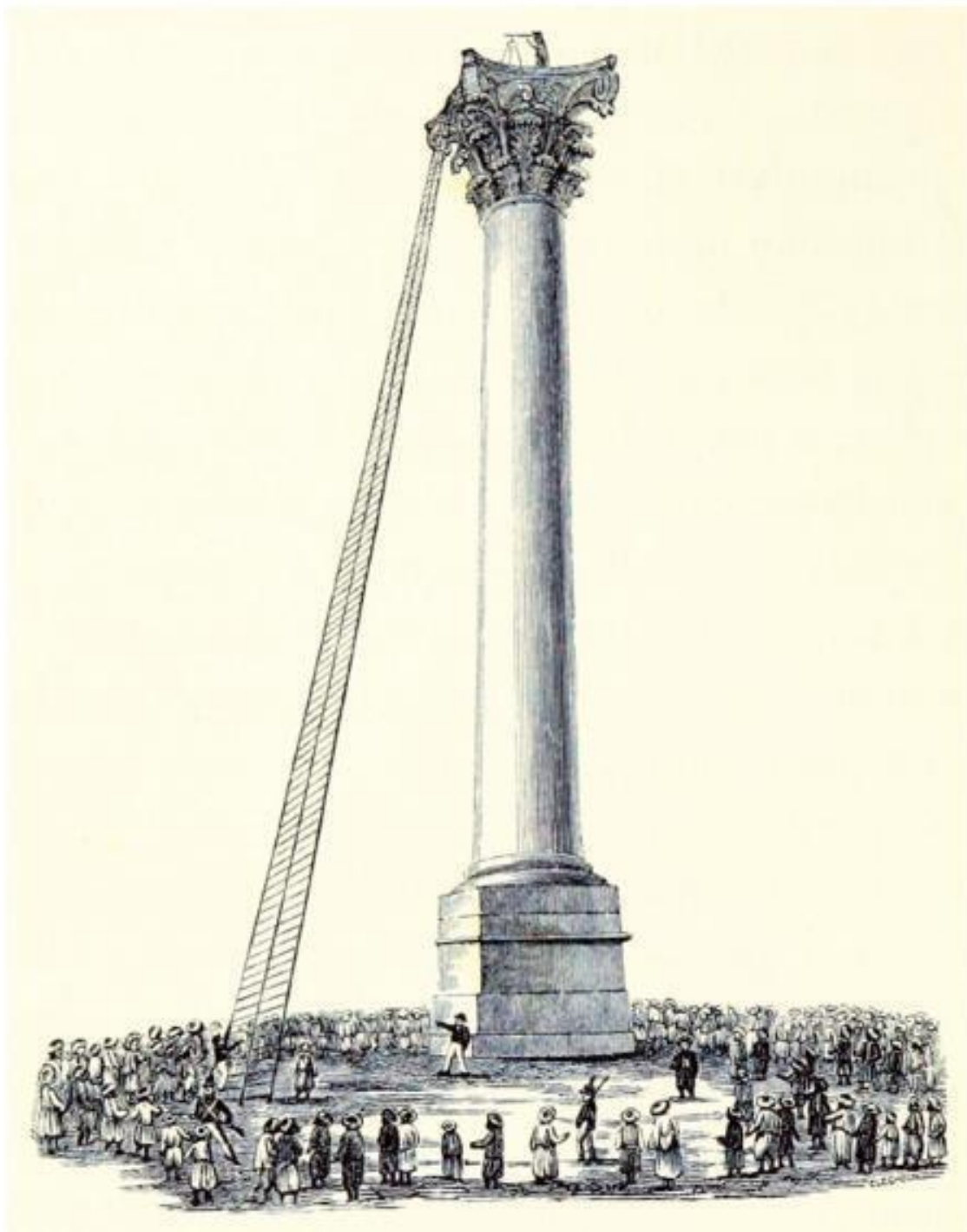

Выписка из архива Дома моряков

За время плавания лоцман корабля научил Иммануила изъясняться на лингва франка, универсальном языке моряков и торгового люда в странах Средиземноморья. Основу лексики составляла смесь языков, которые были в ходу у местного населения. Главным портом маршрута был свободный порт Ливорно на берегу Тосканы. При этом «Тетис» заходил в итальянский Триест, сицилийский Трапани (на западном берегу острова) и египетскую Александрию. Последняя произвела на Иммануила глубокое впечатление.

Не в силах описать я чувства восторга, охватившего меня, когда после многих штормов и тяжестей пути солнечным и прекрасным утром вошли мы в старый Александрийский порт. К тому времени видел я уже чудесный воздух Испании и Италии, но что он в сравнении с этим прозрачным, высоким, лазурно-голубым небом, поразившим и наполнившим всех нас восторгом. Этот воздух, окружающий весь город, с его городскими стенами из желтоватого песчаника, возведенными Наполеоном I, произвели по крайней мере на меня впечатление, которое я никогда не позабуду.

В Александрии, куда до недавнего времени никакие «христианские» суда не имели права заходить, Иммануилу представилась возможность применить свою изобретательность на деле. Однажды он увидел, как несколько мужчин при помощи связанных друг с другом жезлов пытаются взобраться на капитель «Помпеевой колонны» – триумфальной колонны времен Древнего Рима около 20 метров высотой. Свое название она получила в честь римского полководца Помпея. Попытки терпели неудачу, поскольку «жезлы» – небольшие жерди – оказались слишком короткими для этой задачи. На ум Иммануилу пришли бумажные змеи, которые он мастерил в детстве, и он поделился с первым боцманом Йернфельдом мыслью, что при помощи воздушного змея можно было бы накинуть бечеву на капитель колонны, а уже при помощи бечевы подтянуть прочные тросы и по ним залезть наверх.

Английский морской офицер Джон Шортленд на Помпейской колонне, 1803 год

Следующим утром, к удивлению юноши, его идею претворили в жизнь: к колонне были приделаны мачтовые ванты, чтобы легче было взбираться, а на вершине колонны уже стояло несколько человек. Затем раздался выстрел из пистолета. В ответ со стороны моря прозвучали пушечные залпы, вслед за чем небольшая шлюпка отвалила от борта английского корабля и причалила к «Тетису». На борт судна была поднята корзина «со многими лакомыми фруктами». Это был, как выяснилось, подарок Иммануилу, предложение которого доложили капитану английского судна. Несколько часов спустя, когда сильно пьяный Дыга вернулся на корабль, Иммануил «заместо благодарности получил такую выволочку, что в ушах засвистело»:

капитан решил, что фрукты были получены в обмен на что-то, что было украдено Иммануилом с корабля.

Через еще пару дней с английского судна пришел пожилой человек, который расспрашивал о юноше, давшем столь хороший совет. Капитан ответил, что мальчишек, умеющих давать хорошие советы, у него не водится. Англичанин вытащил из кармана бумажку и спросил, кто писал ее. Единственным человеком на корабле, умевшим изъясняться по-английски, был Йернфельт, и его немедленно вызвали к капитану. Боцман рассказал всё как было и указал на Иммануила. «Рослый и крупный англичанин поднял и поцеловал меня и выразил желание, как объяснил потом боцман, чтобы его сын был таким же находчивым, как и я, – вспоминал Иммануил. – Опозоренно стоял мой капитан, когда англичанин поведал, что первый кубок наверху колонны выпит был в мою честь».

Изобилующая деталями история несет печать достоверности, но так ли это? Десять с лишним лет до этого морской офицер британского флота Джон Шортленд совершил то же самое, использовав воздушного змея, чтобы забросить веревочную лестницу на капитель колонны. После этого он и морской капитан по имени Уайт забрались наверх, водрузили там «Юнион Джек» и подняли тост за короля Джорджа III. Эта история описана в *The Naval Chronicle* («Военно-морском вестнике») за 1812 год. Этот ли подвиг попытались повторить британские моряки? Мог ли Иммануил знать об этой истории, когда он много лет спустя составлял автобиографические заметки, приписав ее себе? Или это чистое совпадение, что шведский юнга и британский офицер пришли к одному и тому же решению? Невозможно знать. Но то, что у сметливого Иммануила могла возникнуть такая идея, вполне возможно.

Ко многому в рассказах Иммануила надо отнестись с осторожностью. Например, воспоминания о том, что он с борта корабля видел в бинокль Наполеона на Эльбе. Если это так, бинокль должен был быть очень сильным, поскольку император покинул остров задолго до того, как Иммануил оставил Евле. Однако это не обязательно ошибка памяти или выдумка. В то время новости распространялись медленно, и Иммануил с командой корабля вполне могли верить в то, что видели именно Наполеона.

В любом случае молодому каютному юнге удалось повидать многое за годы плавания. За это время успел скончаться не только капитан Сведман, но и корабельный плотник, из-за чего весь корабль попал в карантин, не заходя в Ливорно. А в одно из посещений Александрии заболел сам Иммануил: «Я претерпевал первые телесные боли, в результате которых я бы, верно, скончался. И провидение, как и много раз до и после тех дней, ниспослало мне руку спасения».

Спасительная рука принадлежала Исмаилу Гибралтару, капитану турецкого флота. Он недавно вступил на египетскую службу и направлялся в Швецию для закупок военного снаряжения. «Тетис» оказался единственным шведским кораблем, стоявшем в Александрийском порту, и, по словам Иммануила, капитан выразил желание «увидеть северных белых медведей, которые, по его представлению, составляли его команду». Любопытство привело его на борт шведского судна, где он с большим интересом осматривал всё вокруг. «В особенности интересовали его чистота и порядок, царившие повсюду».

Поскольку Иммануил мог изъясняться на лингва франка, Гибралтар спросил капитана Хольмстранда, не разрешит ли он ему взять юнца с собой в Швецию. Однако капитан поставил столь немислимые финансовые условия, что предложение отпало. Узнав, что Иммануил заболел чумой, Гибралтар послал своего корабельного врача, который вскрыл бубон и тем самым спас юноше жизнь.³

Груженный французской солью «Тетис» вернулся в Евле между 18 и 24 июля 1818 года. К этому времени Иммануил находился в плавании три года и один месяц. Родители, родные и сводные сестры и братья приняли его с распростертыми объятьями. Не было только Бернхарда, который уже покинул отчий дом. На вопрос матери, что бы Иммануил хотел на ужин,

он ответил: «Колбасу». Мать не знала, что делать, поскольку висевшая в кухне на шестке колбаса была старая и засохшая, но у Иммануила «слюнки во рту потекли при мысли о блюде, по которому я так давно скучал».

До поступления на «Тетис» Иммануил по понятным причинам «мало что на свете успел повидать», и многое из того, что он увидел во время странствий, поразило его воображение. Не будь он столь юн, то, «возможно, сумел бы рассказать о многих интересных вещах», пишет Иммануил в автобиографических записках. Понятно, что по молодости многое ускользнуло от его внимания, но его размышления, например о религии, дают некоторое понятие о его мировоззрении и характере.

За время путешествий ему не раз приходилось быть свидетелем ханжеского поведения священников и монахов. Однажды в свободный день он вместе с командой сошел на берег провинции Трапани на острове Сицилия. Перемещаясь «из одного кабака в другой», компания завернула под конец вечера в бордель, где встретившая их мамаша, сложив руки на Библии, клятвенно заверила матросов, что «господа без опаски могут воспользоваться ее дочерью». Когда же это не возымело должного эффекта, она позвала монаха, который охотно подтвердил ее слова. «До такого уровня непотребства смог дойти народ этого прекрасного края, развращенный своими же священниками и монахами, – пишет Иммануил, риторически вопрошая: – Возможно ли без дрожи отвращения взирать на весь этот причт, павший столь глубоко, как эти католические так называемые священнослужители?»

На самом деле не только «католические так называемые священнослужители» бередили религиозные сомнения в душе молодого Иммануила. В общем и целом его отношение к официальной религии было скептическим, чему в немалой степени способствовали наблюдения за природными явлениями в ходе его морских путешествий. Однажды море наполнилось святищами медузами, а небо озарило «ярко сверкающими вспышками, подобными нашим зарницам, но гораздо более пронзительными». Они распространялись вдаль по линии горизонта, внезапно пропадали и возникали вновь «в новом и весьма отдаленном месте или с противоположной стороны». Подобные феномены побуждали Иммануила задумываться над природой, над христианским учением и над загробной жизнью.

Всё то прекрасное, что я наблюдал в Творении, наводило меня, будучи тогда лишь мальчиком, на размышления о том, как мало наши религиозные сочинители думали над дивными богатствами природы. Ради достижения своих целей они прибегают к таким неправдоподобным объяснениям, которые излагают в наших так называемых Священных Писаниях самым искаженным образом. И паства в простоте своей верит, дабы они не были исключены из блаженной жизни в загробном мире.

Спустя некоторое время с момента возвращения домой он всё еще не прошел конфирмацию. Это обстоятельство требовалось немедленно исправить, если Иммануил захотел бы снова выйти в море. Отец договорился с местным пастором Аксером, что Иммануил пройдет у него обучение частным образом, что, по мнению последнего, означало «сделать шаг назад после всех тех пасторских проказ и мошенничеств в разных странах, которые я в течение длительных моих путешествий имел случай наблюдать». Однако пастор оказался умным человеком и не настаивал на изучении Катехизиса, в котором Иммануил разбирался плохо, а ограничился беседами «только лишь о том, что касалось Бога по отношению к природе, или наоборот». После трех уроков юноша был допущен к причастию. В той мере, в которой Иммануил мог считаться человеком религиозным, его, скорее всего, можно было отнести к пантеистам.

По возвращении сына домой отец пытался вновь убедить его выбрать «дорогу, по которой он, в силу своих знаний, мог бы меня направлять», но Иммануил категорически отказался. Учиться он ни за что не желал. На самом деле Иммануил так и не выучился грамотно

писать. Непоследовательная и весьма самобытная орфография, равно как и неумение построить законченно-связанное предложение, намекает на то, что, помимо недостатка в школьных знаниях, он страдал также некой формой дислексии. (Вышеприведенные цитаты из автобиографических записок были когда-то кем-то отредактированы и не отражают его собственной письменной речи.)

Иммануила-старшего описывают как человека «серьезного и строгого», и отношения между отцом и сыном были очевидно напряженными. В тех случаях, когда отец упоминается в автобиографических записках Иммануила, ему даются общепринятые эпитеты. Возможно, родитель был слишком усерден в стремлении дать сыну образование и испытывал горечь и разочарование, что отрок, чей талант был выкроен по другим лекалам, не соответствовал его чаяниям.

Мать в записках сына упоминается гораздо чаще, и отзывается он о ней самыми теплыми словами. Так же тепло вспоминает Иммануил о старшем боцмане, Йернфельте, умном и порядочном человеке, который всегда заступался за матросов, страдавших от пьянствовавшего капитана, и неоднократно выручал Иммануила из беды. В то время как «добрейшая и нежная мать моя <...> пыталась в неокрепшем еще существе моем взрастить семена, которые вырастут потом в дух, полон чувств человеческих», Йернфельт же за годы морских путешествий учил Иммануила не полагаться ни на кого, кроме себя самого. Дома у Нобелей в Евле Йернфельта принимали с большим гостеприимством, особенно после рассказов Иммануила о том, с какой «отцовской доброжелательностью» боцман к нему относился. Когда же некоторое время спустя Йернфельт погиб в море, Иммануил искренне горевал по нему, «ибо любил и уважал я этого человека, испытывая к нему такие же теплые чувства, как к своему родному отцу».

Триумфальная арка короля Карла XIV Юхана

После успешной конфирмации Иммануил больше не выходил в море. Вместо этого он продолжил развивать свой талант чертежника. Отец был домашним врачом Юхана Кристофера Луэлля, который служил в Евле кондуктором, то есть помощником городского архитектора, или, говоря современным языком, – строительным инженером. К нему-то и поступил в ученики Иммануил, что «не составило большого труда, и получалось у меня хорошо благодаря предыдущим моим занятиям по черчению кораблей». Однако он оставался недоволен тем, что получал задания не сложнее, чем черчение кровельных стропил и колокольных подпорок. Интерес возрос, когда ему доверили оттенять и раскрашивать готовые чертежи, и однажды Луэлле показал ему готовую модель церковной башни. «Это настолько взбудрило дух мой, что я не дал себе покоя, пока не доказал Луэллю, что умею разным способом чертить и планы, и фасады, и профили упомянутой модели».

Триумфальная арка в городе Евле, возведенная по случаю приезда Карла XIV Юхана, 1819 год

В сентябре 1819 года король Швеции Карл XIV Юхан собрался прибыть в город Евле с визитом. Без триумфальной арки по этому случаю было не обойтись. К этому времени Луэлль, по свидетельству Иммануила, страдал душевной болезнью и был не в состоянии выполнить эту задачу. Ответственность легла на вызванного из столицы придворного кондуктора Фредрика М. Бэка. Однако, по словам Иммануила, он чертил арку самостоятельно, поначалу «легко, грифелем на бумаге, создав набросок». Его отец показал эскиз мэру города, который, в свою очередь, продемонстрировал его областному губернатору. «По сем решено было <...> передать работу по возведению арки в мои руки, после чего и до самого того момента, когда король проехал под аркою, пребывал я в большом душевном беспокойстве, но тем больше была моя радость, когда всё сложилось к вящему удовлетворению всех». В списках лиц, участвовавших в

празднествах, имя Иммануила не значится, но представленное им подробное описание работы, связанной с возведением арки, дает все основания предполагать, что он принимал в работе участие.

Королевская академия свободных искусств и Фредрик Блюм

Вскоре после возведения арки Иммануил переехал в Стокгольм, где поступил учеником в Королевскую академию свободных искусств. По имеющимся сведениям, призвал его к этому профессор искусств Фредрик Блюм, который в связи с инспекцией триумфальной арки в Евле имел случай беседовать с Иммануилом и был очарован его «одновременно прямым и уважительным существом». Юноша оказался прилежным учеником и в январе 1822 года был удостоен отличительного жетона Академии за архитектурное черчение. В последующие годы он несколько раз будет отмечен наградами, в том числе Тессинской медалью (имени придворного архитектора Никодемуса Тессина-младшего).

Учеба не была обременительной, занятия проводились всего несколько часов в неделю, в связи с чем у Иммануила имелась возможность по ходу дела дополнять свое образование. В 1798 году при Академии искусств была учреждена школа механики, однако ее деятельность была сочтена неудовлетворительной, и в 1816 году ее подчинили Сельскохозяйственной академии. В годы учебы Иммануила школой механики управлял все тот же Блюм, который сподвигнул Иммануила перебраться в Стокгольм. Фредрик Блюм с 1817 года занимал должность профессора при Академии искусств и был одним из наиболее значимых и продуктивных шведских архитекторов своего времени.

В изучении механики Иммануил также преуспел: в 1822 году он получил «большую стипендию» в размере 60 крон за «модель ветряной помпы». В следующем году Блюм отметил его как одного из четырех учеников, «выполнивших работы, заслуживающие того, чтобы быть представленными в Академии искусств». В следующем, 1824 году Иммануил был отмечен как один из двух выдающихся учеников. Три года подряд заслуги молодого таланта отмечались большой стипендией в 60 крон, что примерно составляло полугодовую арендную плату за жилье.

В 1824 году стипендия была предоставлена за «прекрасно выполненную модель переносного дома», а в 1825 году – за «модель двух переносных домов». Эти работы неслучайны, поскольку «переносные дома», то есть деревянные дома блочной сборки, изобрел научный руководитель Иммануила. Фредрик Блюм предложил способ построения блочно-сборных домов, где стены, полы, потолки и крыши представляли собой отдельные элементы. Таким образом, составные детали строения могли быть перевезены с места на место и заново собраны. Одной из таких блочных конструкций был деревянный Русендальский дворец в Стокгольме. Он был возведен именно по блочной технологии из готовых строительных секций, правда, снова перевозить дворец в планы не входило. Переносные дома были отмечены также за границей и экспортировались в разные страны, включая США, Россию и Францию.

Талант и работоспособность Иммануила были столь явными, что Блюм еще в учебные годы сделал его своим ассистентом. Но, по свидетельству самого Иммануила, оклад был «совершенно нищенский». Вскоре помощь молодого ассистента была незаменима, и, поскольку Иммануил был в призывном возрасте, Блюм устроил его на службу на военно-морскую верфь. Таким образом, были решены две проблемы сразу: Иммануил остался в Стокгольме, а за его работу у Блюма платил флот.

Вместе с печником Иммануил разработал проект переносной печи – задание, с которым не справился сам Блюм. Блюму также трудно было найти достаточно искусного строителя моделей для демонстрации клиентам, поэтому его молодой ассистент строил и модели разборных и переносных домов, некоторые из которых были увезены в Россию. Когда первая модель была

готова, забрать ее приехали два мужика из провинции, которые однако перепутали его имя и название предмета, за которым их послали, что очень развеселило Иммануила. «Таковым образом, прибыв на место, они спросили, где проживает господин Модель, который должен передать им некую Нобель...»

Иммануил участвовал также в строительстве Русендальского дворца. А когда Блюм в 1823 году по просьбе короля должен был отправиться в Кристианию, он обратился к Иммануилу с просьбой сопровождать его. В норвежской столице предполагалось возвести королевский дворец, и Блюму был нужен в помощь чертежник. Если верить Иммануилу, Блюм использовал его до предела. Он получал такое количество заданий, что под конец не мог от усталости ни видеть, ни стоять на ногах. Его чертежи и предложения пришлось Блюму по душе, «но ни единого слова благодарности, невзирая на все приложенные мною усилия, не услышал я из рябых уст его». Несмотря на все старания Блюма, заказ по проектированию дворца в итоге был отдан другому архитектору.

Жалобы на неуважение и бедное жалованье проходят красной нитью через посвященные Блюму воспоминания, в которых тот выступает как скупой и завистливый человек. При обсуждениях финансовых вопросов со своим шефом Иммануил часто обращался за помощью к своему сводному брату Бернхарду, который уже служил полковым врачом. О характере самого Блума известно мало, поэтому степень справедливости критики в его адрес оценить трудно. Зато эти воспоминания могут многое рассказать о характере самого Иммануила. Ввиду незаконченного школьного образования он постоянно находился в социально уязвимой позиции. С другой стороны, он был старателен и трудолюбив, при этом достаточно хорошо осознавал степень своей природной одаренности, которую смело можно назвать выдающейся. Испытываемое им чувство недооцененности и непризнанности легко можно понять.

Изобретатель

На пятьдесят пятом году жизни, в октябре 1823 года, скончалась мать Иммануила. В описи наследного имущества он упомянут как «Архитектор при Королевской академии живописи». И если в 1825 году он еще числился учеником академии, то после его имя исчезает из реестровых записей этого заведения. В 1827 году, после причисления школы механики к Технологическому институту, Иммануила наняли туда чертежником. В этом качестве он преподавал линейное черчение или построение геометрической проекции на плоскости, и, кроме того, ему было поручено «наблюдать за преподаванием в мастерских <...> главным образом по классу древесной и металлической обработки».

Рослагстүүл с новым зданием таможи. Гравюра 1830-х годов Дж. Ф. Юлина

Одновременно с этим Иммануил продолжал работать архитектором. Первые приписываемые ему строения – это переносной дом по заказу придворного келлермейстера Г. Л. Селлениуса, вилла для городского биржевого маклера Рейнхольда Вейландта, а также таможенный домик, возведенный в 1830 году около городской заставы Руслагстүүл. Иммануилу также поступил заказ на проектирование торгового дома для «Якоб де Рон и сыновья». Он перестроил их дом, находившийся рядом с villой Вейландта, заодно справившись с еще одним сложным строительным проектом, связанным с другим домом де Рона. Дом осел, и стояла угроза схода строения вниз по склону. Иммануил предотвратил разрушение, вбив деревянные щиты под фундамент и подведя под них кирпичные опоры, чем устранил дальнейшую осадку. Работы были проведены без эвакуации жителей дома, что современниками было расценено как подвиг. Были и другие подряды, в том числе дом Петерсена в Старом городе. Этот проект отличился повышенной сложностью в связи с возникшими серьезными проблемами. Речь о них пойдет ниже.

Самым крупным заказом в карьере Иммануила было строительство наплавного моста через пролив Скуру в Стокгольме. Старая паромная переправа не отвечала современным требованиям. В 1830 году Иммануил выиграл торги на реализацию проекта. Всего было затрачено тринадцать тысяч крон, что по современному курсу равняется десятку миллионов рублей. Проект преследовали неудачи. Во время буксировки затонула наполненная камнями клеть, и заодно пошли на дно три баржи со строительными материалами.

В 1832 году мост был готов. В ходе работ Иммануил использовал понтоны из воздухо-непроницаемых металлических и деревянных емкостей собственной разработки, которые он в 1836 году пытался запатентовать. Патентная заявка, однако, была просрочена, поскольку Иммануил не предоставил детального описания изобретения. Мост занимает в любом случае видное место в биографии Иммануила, поскольку он через несколько лет придумал другой способ строительства понтонных мостов (о чем ниже).

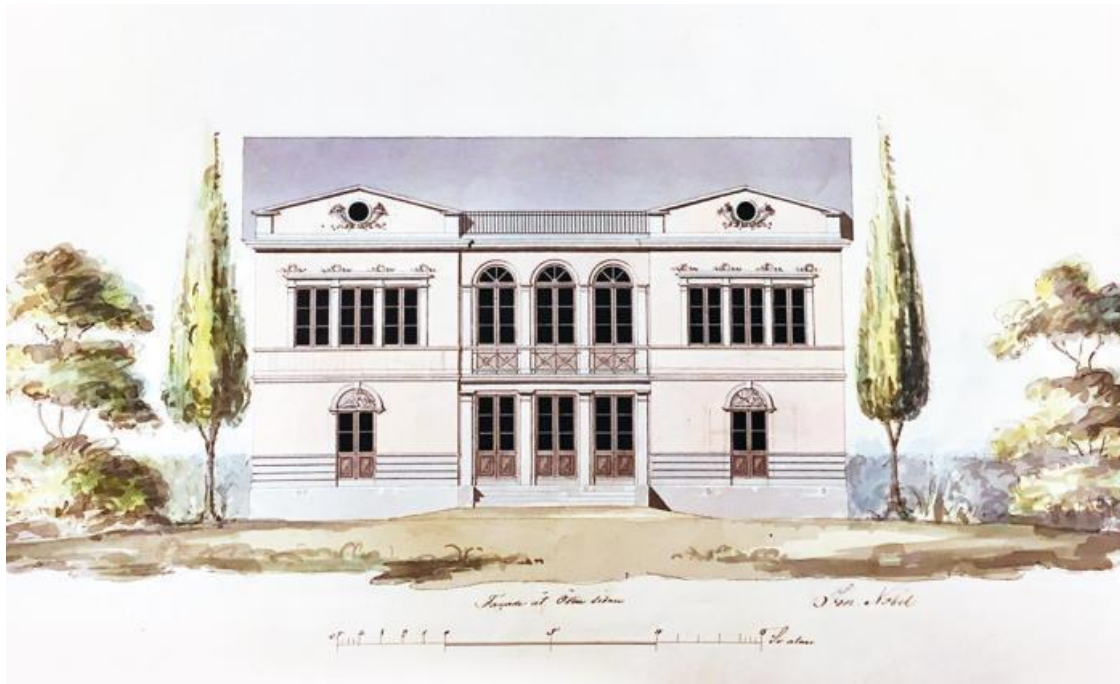

Плавающий мост Скуру, который в 1915 году был заменен бетонным мостом. Картина Жозефины Холмлунд, 1868 год

Через несколько лет после выпуска из Академии искусств Иммануил старался сделать себе имя в качестве изобретателя. В 1828 году он подал три патентные заявки: на строгальную машину, на гладильную машину с десятью вальцами и на «механическое движение». В отношении строгальной машины Технологический институт указал, что такое устройство уже существует. (Случай, типичный для Иммануила, чей разгоряченный мозг зачастую посещали идеи, уже воплощенные другими.) Другие же две заявки были институтом приняты. Однако начинающему изобретателю не повезло: по неизвестной причине Коммерц-коллегия не вынесла никакого решения.

Летом 1827 года Иммануил женился на Каролине Андриетте Альсель, рожденной в Стокгольме в 1803 году. Ее отец служил казначеем, но умер рано, в 1809 году. В течение девяти лет у Иммануила и Андриетты родилось четверо детей: Роберт (1829 г. р.), Людвиг (1831 г. р.), Альфред (1833 г. р.) и Шарлотта (1836 г. р.). Квартира у семьи была простая, квартплата низкая. Несмотря на то что Иммануил получал порой престижные заказы, финансовое положение семьи было шатким. Вероятно, плату за свою работу он брал не особенно высокую.

Семья переезжала несколько раз. В 1829 году Иммануил арендовал небольшое имение Кнаперста на острове Лонгхольмен в Стокгольме. Дом, куда въехала семья, был настолько ветхим, что Иммануил немедленно обратился к городским властям за разрешением на строительство нового. Разрешение на строительство было получено на условиях, что по окончании срока аренды в 1873 году здание безвозмездно перейдет во владение города. Таким образом глава семейства возвел собственноручно спроектированный двухэтажный дом на десять комнат.

Фасад дома на острове Лонгхольмен в Стокгольме.
Рисунок Иммануила

Поселившись на Лонгхольмене, Иммануил, верный своему обычаю, немедленно развернул обширную деятельность, заведая, помимо всего прочего, столярно-токарной мастерской при местной тюрьме. Но материальные невзгоды продолжали преследовать семью. Через какое-то время начались проблемы с оплатой аренды, а в марте 1832 года Иммануил лишился земли и дома. Тогда семья переехала на остров Ридён на озере Мэларен. Не исключено, что выбор жилья был связан с тем, что на острове находился пороховой склад. В таком случае первые опыты обращения Иммануила со взрывчатыми веществами могли производиться примерно в этот период.

Финансовые проблемы стали настолько непреодолимыми, что Иммануил обанкротился. Последним ударом стал пожар, который в канун нового, 1832 года полностью уничтожил дом в Кнаперста. Жертвой огня стал не новый почти достроенный, но еще не заселенный дом, а старый. Здание сгорело дотла, однако, согласно газетам, большую часть утвари и личных вещей удалось спасти. Несмотря на то что аренда уже перешла в другие руки, в газетах, а также в местном полицейском журнале текущих дел владельцем был указан Иммануил. Этот факт, а также то, что Иммануил так и не появлялся на пепелище, не мог не вызвать у окружающих удивления и подозрения. Переезд семьи за город, похоже, остался никем не замеченным. Как только до Иммануила дошли вести о случившемся, он незамедлительно, 4 января, обратился в приемный стол прихода, в который входил остров Лонгхольмен. Ему была необходима справка о смене места жительства еще «прошедшей весной». Надо полагать, что Иммануил был в ужасе от мысли, что его заподозрят в умышленном поджоге и укрывании от суда и следствия.

В своем обращении в городской суд 11 января 1833 года Иммануил заявил, что «причиненные мне столь значительные убытки таковы, что, несмотря на искреннее мое желание, я лишен возможности сполна и вовремя возместить каждому из моих кредиторов по взятым на себя обязательствам и займам». Банкротство было неизбежным. Перечисляя причины своей несостоятельности, он, помимо прочего, сослался на то, что «в одном из моих подрядов, что у Скуру, при паромной переправе клетки для мостового устоя, сия потонула, да к тому же и три баржи со строительными материалами, по причине морской аварии, были утеряны, а при другом моем подряде, по общему ремонту Петерсенского дома <...> фундамент со стороны

залива в столь плохом состоянии найден был, что предполагать было можно, что один из двух флигелей почти полностью заново перестроить пришлось». Дело о конкурсном производстве длилось вплоть до июля 1834 года, однако долги Иммануил был в состоянии выплатить только спустя почти двадцать лет.

Гумми эластикум

Как только конкурсное производство было закончено, Иммануил взялся за следующий проект. С середины 1833 года он производил опыты над каучуком, по латыни – *gummi elasticum*. Впервые о каучуке стало известно в XVI веке, когда испанцы наблюдали в Латинской Америке за игрой индейцев небольшими упругими мячами. Два века спустя французские исследователи обнаружили дерево в Эквадоре, которое при повреждении коры источало белый сок. Его отличала особая реакция на воздухе – сок густел и затвердевал. Уникальные свойства млечного сока этих деревьев не укрылись и от аборигенов, которые изготавливали из него ткани, напоминающие по качеству вошенные клеенки, а также непромокаемую обувь и грушевидные бутылки. Последние могли использоваться как водометы, если в них вставить трубку.

В течение XVIII века французские и английские ученые продолжали изучать каучук и его свойства, открыв многие сферы его практического применения, в том числе пропитку тканей, производство шлангов и др. Первая в мире фабрика по производству каучука была построена в Англии в 1820 году, и вскоре новые продукты – макинтоши (названные так по имени своего создателя Чарльза Макинтоша), галоши и стирательные резинки – стали завоевывать рынок. В 1834 году одна шведская газета сообщила, что в Англии каучук становится товаром широкого потребления. Вещество использовалось для изготовления одежды, перевязочного материала, тросов, веревок, водолазных костюмов «и даже гарпунных линий для китовой охоты».

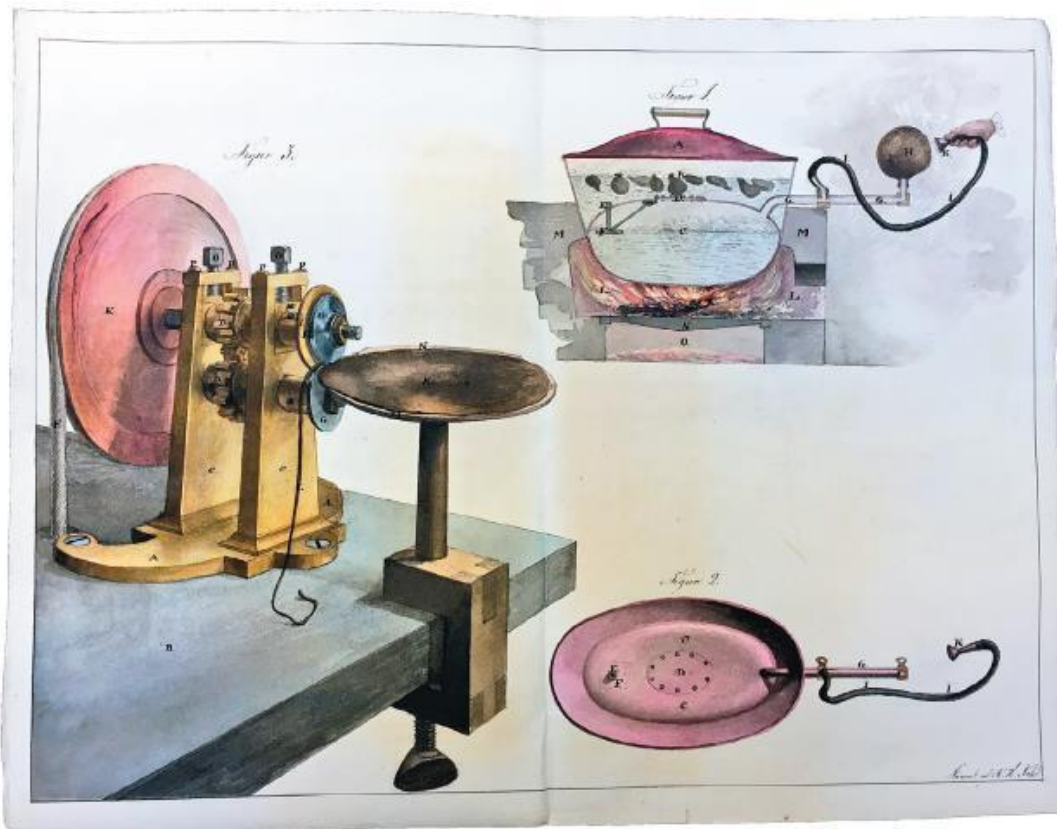
Первая шведская фабрика по производству каучуковой резины была основана в Стокгольме в 1830 году. Преимущественно производились дождевики и прочие военные и гражданские защитные ткани. Непромокаемые свойства материалов достигались за счет двойного слоя ткани и пропитки раствором каучука внутренней стороны подкладки. На выставке кустарного мастерства был представлен широкий ассортимент продукции, включая надувные товары, например плавательный жилет. Однако экспозиция большого интереса у публики не вызвала по одной простой причине – изделия из каучука обладали резким запахом.

И всё же производство каучуковой резины считалось перспективным. Несмотря на отсутствие формальных знаний в области химии, Иммануил с живейшим интересом следил за всеми новинками техники; он был в высшей степени человеком своего времени. Успешное производство каучука сулило возможность избавиться от висевших на нем долгов, и после полугода лабораторных опытов в ноябре 1834 года он подал заявку на десятилетний патент на «Изобретение по производству эластичных тканей и ремней»:

«Путем многочисленных испытаний соискатель сего вознагражден был получением тканых предметов, как то ремни, ленты и прочая, наделенными упругими свойствами, каковыми каучук наделять может. Благодаря чему упомянутые ткани пригодны стали для изготовления подтяжек, а также в не меньшей мере для хирургического применения в качестве эластичных бинтов, подвязок для грыж и прочих целей, для которых подобная упругость давно уже являлась предметом желаний. На основании чего нижеподписавшийся дерзает смиренно обратиться к досточтимой королевской коллегии на соискание исключительной десятилетней привилегии на производство эластичных тканей».

К заявке был приложен чертеж машин для производства продуктов из каучука с подробным описанием их применения. В более позднем приложении к заявке, посланном в марте

1835 года, Иммануил расширил список патентных соисканий, включив туда также «тонко растянутую каучуковую пелену <...> образующую воздухо непроницаемую ткань, которую можно использовать для содержания любых жидкостей туда помещенных <...> а также постельное белье, наполненное воздухом, а также и спасательные пояса, этим же веществом наполненные, предназначенные для мореплавателей и тех, кто безопасно на воде пребывать желает». Воздухо- и водонепроницаемая ткань получалась благодаря размещению тонкого слоя из каучука, «каучуковой пелены», между двумя слоями ткани.

По словам историка технологий, станок Иммануила для производства резины представляет собой «простое и весьма гениальное решение». На изображении показан процесс производства резиновых лент

Определенным препятствием к получению патента на производство эластичных тканей был восьмилетний патент владельцев первой каучуковой фабрики. В своем патентном заявлении Иммануил указывает, что их продукты издают «в высшей степени неприятный запах». Иммануилу удалось если не совсем убрать зловоние, то хотя бы уменьшить его новым методом сырьевой обработки.

Другим препятствием для принятия патента являлся факт банкротства изобретателя. Но конкурсный управляющий в своем отзыве заверил, что в судебном вердикте Иммануил «не был признан ни обманчивым, ни небрежным должником», в связи с чем препятствие было устранено, и патентное свидетельство было выдано.

Дело о рассмотрении патентных заявок Иммануила содержит несколько странных моментов. В *Отношении Коммерц-коллегии о состоянии фабрик и мануфактур на 1835 год* читаем, что Роберт Яльмар Нобель получил патент на десять лет «за изобретение по производству эластичных тканей, лент и полос, а также за изобретение по производству, посредством растянутого каучука, воздухо непроницаемых тканей и сосудов». Роберт Яльмар, а не его отец,

Иммануил, который все это придумал... Хранящаяся в Национальном архиве Швеции патентная заявка действительно подписана Робертом Яльмаром Нобелем, которому на тот момент было шесть лет от роду.

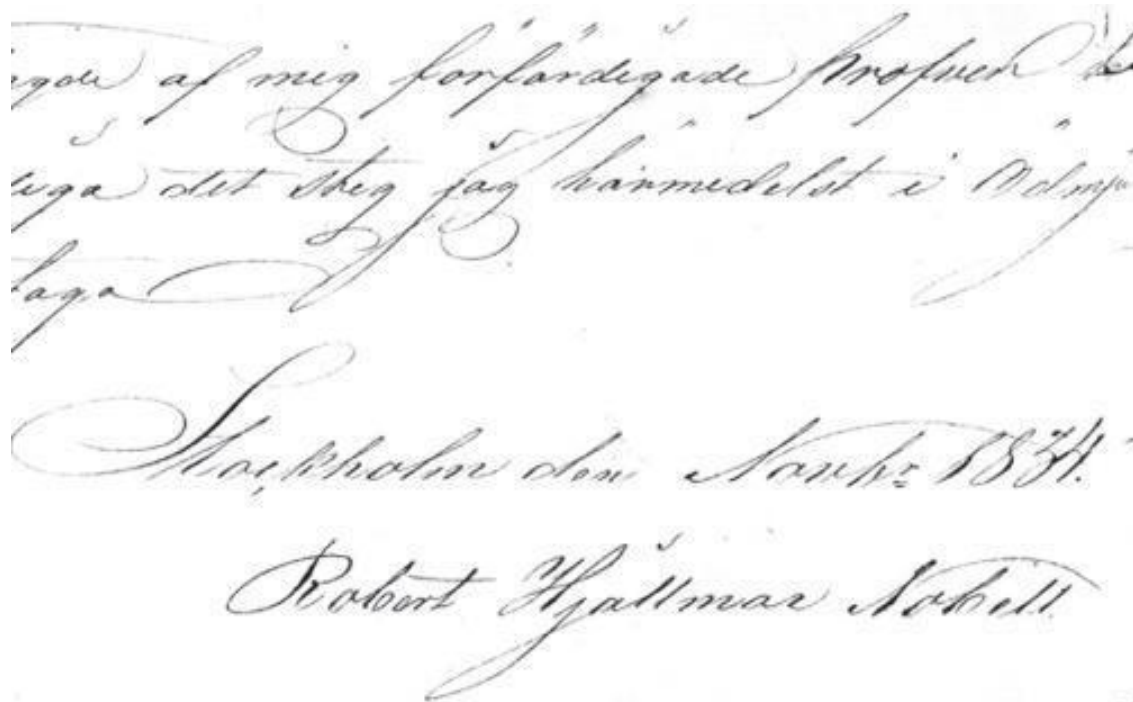
Возникает сразу несколько вопросов. На первый из них – зачем? – довольно просто ответить. Сделав своего сына обладателем патентного свидетельства, Иммануил хотел обезопасить себя от притязаний кредиторов и обеспечить семье надежный доход в случае, если каучуковая затея окажется успешной. На второй вопрос – как это получилось? – ответить несколько сложнее. И Коммерц-коллегия, и директор Технологического института прекрасно знали, что автором изобретений является Иммануил, но, несмотря на это, в их отчетах указано, что изобретения сделаны Робертом, шестилетним мальчиком! Наиболее правдоподобное объяснение тому – желание помочь Иммануилу, чей талант они, судя по всему, весьма ценили, выйти из тяжелого экономического положения.

Спустя несколько дней после вынесения решения о предоставлении патента Коммерц-коллегия обратила внимание Иммануила, что на имя несовершеннолетнего лица документ выдан быть не может. Факт подачи заявления от имени сына Иммануил объяснил «неразумием, поскольку Королевская Коммерц-коллегия в известность меня о том не поставила». Поэтому он смиренно просил о переносе патентного заявления на свое имя. Это, разумеется, был фарс. Для того чтобы понять недопустимость патентной заявки от имени шестилетнего ребенка и подделки его подписи, специальных инструкций не требовалось.

Письмо в Коммерц-Коллегию было подписано И. Я. Нобель и свидетельство об исключительном патентном праве (привилегии), опубликованное в центральном Государственном почтовом вестнике, от 2 мая этого же года, также выставлено на имя *Иммануила Яльмара Нобеля*. Однако такого лица не существовало – имя является комбинацией двух имен – Иммануила и второго имени его сына, Роберта (у самого Иммануила второго имени не было). Как возникло это странное имя, видно из архивных документов Коммерц-Коллегии. В рукописном варианте патентного свидетельства автором указан Роберт Яльмар, но первое имя, Роберт, зачеркнуто и заменено на Иммануил.

Таким образом Королевская Коммерц-Коллегия предоставила «Иммануилу Яльмару Нобелю» патентное свидетельство с привилегией на десять лет «за изобретение по производству эластических тканей и полотен, <...> а также за <...> изобретение по производству воздухопроницаемых тканей и сосудов».

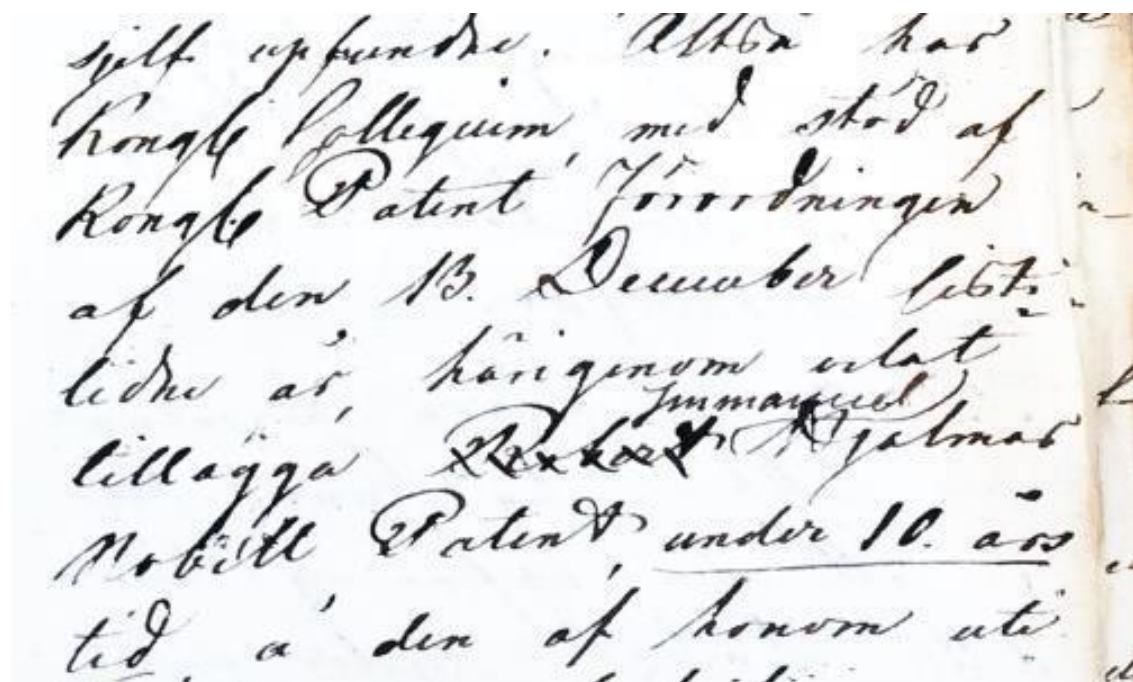
Правку внесли при переводе патента на имя Иммануила, дабы избежать незаконной регистрации несовершеннолетнего Роберта. Но почему не было вычеркнуто и имя Яльмар? Возможно, это можно было бы объяснить недоразумением или ошибкой писца, но маловероятно. Для чего тогда было подписывать письмо в Коммерц-коллегию инициалами И. Я.? Какие бы ни были намерения, но сочетание имен «Иммануил Яльмар» больше нигде не встречается.

egon af mig forfardigade Prospekt
laga det jag har medelst i Odning
laga

Stockholm den 18 Dec: 1834.

Robert Hallmar Nobell

sjelf upfunne. Allden har
Kongl: Collegium med stöd af
Kongl: Patent förordningen
af den 13. December sist
lidne år, härigenom utat
tillägga ~~Robert~~^{Immanuel} Hallmar
Nobell Patent, under 10 års
tid, a' den af honom uti

Слева: заявление шестилетнего ребенка.

Справа: имя «Роберт» заменено на «Иммануил»

Также Иммануил не числился официальным владельцем основанной им же каучуковой фабрики. По данным гражданской переписи, Иммануил с семьей проживал в 1836 году в квартире, принадлежащей Перу Эльде, но арендуемой старшим судебным помощником Отто Вестфельдтом. Называвший себя фабрикантом, Эльде в том же году обвенчался с сестрой Иммануила Бетти, за пять лет до этого овдовевшей. С братом супруги Эльде (1802–1874) роднили разносторонние способности и не менее разнообразные интересы. Он владел механической мастерской, книжной типографией, колесно-шлюпочным пассажирским извозом, а также производил содовую воду и торговал ей. Чтобы закрыть хотя бы часть долгов, Иммануил намере-

вался продать свои патенты Эльде за две тысячи крон, но сделка не состоялась, поскольку производитель шелковых тканей, с которым Иммануил изготовлял свои ткани, оспорил патентное право изобретателя. Спор затянулся, но в итоге протест был отклонен. В 1837 году Эльде получил разрешение на ведение «химического дела и производства водонепроницаемых и эластичных тканей». Именно у него располагалось каучуковое производство Иммануила.

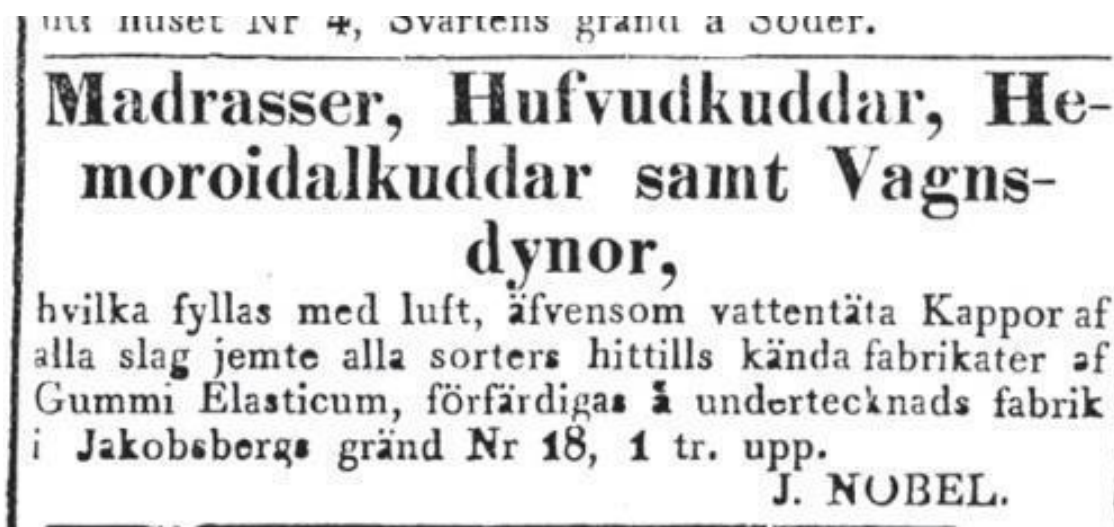
Но на бумагах официально дела производства вел вовсе не Эльде и не Иммануил, а судебный помощник Вестфельдт, который, в свою очередь, сдавал помещение Иммануилу. В работниках предприятия числились один шнуродел, один фабричный работник, одна катушница, две швеи и одна девка. Эта запутанная система, очевидно, была придумана для того, чтобы держать кредиторов на должном расстоянии. Почему от маскировки всё же отказались – неясно, но, как видно из приведенного здесь объявления, Иммануил рекламировал свои изделия под собственным именем.

Сестра Иммануила Бетти с мужем Пером Эльде и их детьми Пером Якобом Исидором, Кристиной Шарлоттой Вильгельминой, Каролиной Аурелией и Ниллой Лидией Хильдегард. Фото примерно 1850 года

В том же году Иммануил подал прошение о возможности использовать принадлежащее Коммерц-коллегии помещение для производства эластичных тканей. В качестве мотивировки упоминалось, что производство скипидара, необходимое для подготовки резины, пойдет на пользу северным областям Швеции. К прошению прилагались список из девяноста четырех товаров и четыре листа с образцами эластичных тканей. Сюда же прилагались пространные свидетельства знаменитого химика Якоба Берцелиуса, где он пишет, что, опираясь на свой опыт, находит продукты Нобеля «столь же качественными, сколь и заграничные фабрикаты того же рода» и что «его методы использования каучука, частично им лично разработанные,

свидетельствуют о хорошей изобретательности и о живом уме». Несмотря на лестный отзыв Берцелиуса, дело попало в долгий ящик. А когда помещение наконец стало доступным, то, как увидим, вопрос уже потерял для Иммануила актуальность.

Реклама в *Aftonbladet* 19 августа 1837 года

Производство изделий из каучука было еще одним доказательством предприимчивости и прозорливости Иммануила. Его небольшая фабрика предлагала более сотни предметов обихода для самых различных целей. Список продукции настолько обширен, что его невозможно привести полностью, но некоторые предметы стоит упомянуть как свидетельства богатства предлагаемого ассортимента.

Для общих нужд: плащи от дождя, эластичные сиденья для повозок и для лиц, страдающих геморроем, подтяжки, надувные воротники «для путешественников, желающих отдохнуть сидя», резиновые крышки для банок и других сосудов, «белые хлопчатобумажные непромокаемые подкладки для спящих детей», «приспособление для бюста, облегчающее боли в груди, для кормящих матерей», поливные шланги, охотничьи сапоги, спасательные пояса, водоотталкивающая мазь для обуви и т. д.

Для медицинских и хирургических нужд: наполняемые водой матрасы для предотвращения пролежней, клизмы с эластичными шлангами, укрепляющие повязки для пупочных и паховых грыж, сифоны для послеоперационного удаления мочи из мочевых пузырей, резервуары для мочи для женщин с проблемами недержания, насосы для промывки желудка, механические стулья на колесах, позволяющие больному самостоятельно передвигаться, укрепляющие обмотки для предотвращения кривоногости у детей и т. д. Естественно, не всё, но достаточно многое из этого списка, надо полагать, было придумано самим Иммануилом.

Изделия из каучука вызвали интерес не только у гражданского общества, но и у более специфичных клиентов, а именно у военных. Наследный принц, адмирал и председатель военно-морского комитета Оскар обратился к предпринимателю с просьбой создать прорезиненную непромокаемую ткань для солдатских шинелей. Иммануил представил соответствующие образцы, но заказа так и не последовало. Он также не получил ответа на разработанную им пешеходную мину, действие которой обеспечивалось за счет эластичных свойств прорезиненной ткани.

Вместо этого Иммануил обратился с предложением поставок иного продукта – солдатского ранца, сшитого из прорезиненного материала, сохраняющего сухой солдатскую экипировку. Гениальность придумки заключалась в том, что ранцы могли быть использованы не только как непромокаемые сумки, но также служить плавательными поясами и надувными

элементами для плотов и понтонных мостов. Для этого надо было извлечь внутреннюю часть ранца, что увеличит изделие в два раза, а затем накачать его воздухом. Соединив необходимое количество ранцев, можно было получить «управляемый при помощи весел плот с достаточно большой подъемностью». Покрытый досками, плот мог быть использован для «переправы больших или малых грузов на другой берег», а в случае достаточно хорошего прикрытия можно было построить целые наплавные мосты «для армий любого размера».

Однако ранцы шведских военных не заинтересовали. Как заметил один историк, «Швеция получила свою первую резиновую промышленность – проблема состояла в том, что на нее не нашлось клиентов».

Образцы, которые Иммануил приложил к своей заявке на использование помещений для производства резины

Не получив должного отклика от шведского правительства, Иммануил обратился со своей идеей к главе американской дипломатической миссии Кристоферу Хьюзу. Тот проявил заинтересованность и попросил разрешения показать чертежи своим знакомым. Одним из них оказался советник русской миссии в Стокгольме Александр Бодиско, который, в свою очередь, показал наработки главе представительства Питеру Сухтелену. Свои чертежи обратно Иммануил не получил, поэтому решил самостоятельно навестить российскую миссию. К удивлению изобретателя, он застал одного из чиновников за копированием его разработок. Свою жалобу Иммануил направил Хьюзу, который, в свою очередь, высказал всю неуместность такого поведения министру. В результате Иммануилу были принесены «горячие извинения» и уверения, что любые его претензии – неясно какие – будут удовлетворены.

Питер ван Сухтелен (1751–1836) – голландский математик и дипломат, которого в 1783 году пригласила в Россию Екатерина Великая. Он принимал участие в войне против Швеции

в 1789 –17 90 годы на стороне России. Во время шведско-русской войны 1808–1809 годов он был начальником штаба и начальником инженерного подразделения русской армии, а в 1810 году был назначен послом России в Швеции. В период с 1834 по 1836 год он построил роскошное каменное здание в Стокгольме, в котором, однако, ему так и не удалось пожить, так как он скончался в том же году. Дом всё еще стоит, как и его летняя резиденция вилла Бейлон на территории дворца Ульриксдал. Ван Сухтелен похоронен на кладбище Сольна. Картина маслом Вильгельма Вольфарта 1834 года

Ларс Габриэль фон Гартман

Банкротство в сочетании со слабым спросом на изобретения окончательно разорили Иммануила. Когда один из кредиторов обратился в канцелярию городской управы с ходатайством о возвращении своих денег, было решено, что в случае непогашения задолженности в течение 14 дней Иммануил будет «посажен в долговую тюрьму вплоть до того дня, когда возместит всё сполна». Решение городской управы помечено 30 ноября 1837 года. Особой ответственностью в финансовых вопросах Иммануил никогда не отличался, но при этом преступником он не был. Перспектива заключения побудила его принять решение, ставшее причиной самых драматических последствий. В тот самый день, когда решение о лишении свободы должно было вступить в силу, 15 декабря 1837 года Иммануил расписался в городской управе в получении паспорта на имя «И. Нобель, механик» и отплыл в Або (Турку).

За неделю до этого – 7 декабря – он в большой спешке продал свою каучуковую фабрику Антону Фанейельму (1807–1875), лейтенант-механику, состоящему на службе в механической бригаде Королевского флота. Как и Иммануил, Фанейельм отличался редким изобретательским талантом. В 1836 году он занялся вопросом методов подъема затонувших в результате кораблекрушения судов. Эти размышления побудили его вложить средства в резиновую фабрику Иммануила, на которой он впоследствии произвел первый в Швеции водолазный костюм. (Помимо этого, у Фанейельма были и другие интересы, роднившие его с Иммануилом: в возрасте 26 лет он с успехом представил самовоспламеняющийся минный взрыватель наследному принцу Швеции Оскару.)

Как объяснял Иммануил, целью поездки за границу была попытка «реализовать некоторые из моих планов, снискав одобрение и похвалу за неустанные мои старания, ясно осознав всю невозможность достижения этого у себя на родине».⁴

Антон Фанейельм

Приняв решение попытать счастья на Востоке, Иммануил оставил жену с детьми дома в Стокгольме. Этот выбор сопровождался чувствами, которые, по его словам, он не был в силах описать: «Особо же в момент прощания с высоко почитаемой и любимой мною супругой, тремя малыми сыновьями и горячо любимой и почитаемой тещей моей, которых я вынужден был покинуть на произвол неизведанного будущего».

В паспорте конечной целью поездки значилась Финляндия, а в русской визе было указано, что поездка совершается на условиях *aller et revenir*, то есть «туда и обратно». На самом деле целью была не Финляндия, а Петербург. С тех пор как в начале XVIII века Россия открыла свои границы Западу, многие предприимчивые иностранцы воспользовались этой возможностью. Для шведов, как по географическим, так и по языковым причинам, путь в Петербург лежал через Финляндию, в начале XIX века ставшей Великим княжеством Финляндским.

Присоединение Финляндии к России означало переход многих высокопоставленных финнов на русскую службу. К числу этих лиц принадлежал Габриэль Эрик Гартман, который за лояльность к новой власти уже в 1810 году получил дворянство. Сын его, Ларс Габриэль

(Лаврентий Гаврилович Гартман, 1789 – 1859), в 1811 году был назначен секретарем Комиссии финляндских дел в Петербурге и всю жизнь занимал высокие административные посты. С 1831 по 1842 год он был Або-Бьёрнеборгским губернатором, являясь тем самым одним из наиболее влиятельных лиц Великого княжества. Сфера занятий Гартмана преимущественно была связана с экономическими вопросами. Весной 1837 года он был назначен особым посланником при шведском дворе с задачей вести переговоры о заключении торгового, судоходного и дружественного пакта между Россией и Швецией.

С этой целью фон Гартман провел в Стокгольме пару летних месяцев 1837 года. Сопровождали его в поездке супруга Ева Вильгельмина («Минетта») Маннергейм, ее брат Август и теща. Жена и шурин Гартмана были приближены к русскому двору. Ева Минетта была фрейлиной императрицы, а Август носил чин камер-юнкера и служил в канцелярии статс-секретаря по делам Великого княжества Финляндского в Петербурге.

Планы эмиграции зародились у Иммануила в период пребывания Гартмана в Стокгольме. Они были представлены друг другу на обеде у главы американской миссии. В своих рукописных воспоминаниях Иммануил пишет, что за столом Гартман спросил его, не пожелает ли он «направиться в Санкт-Петербург, дабы предложить некоторые из моих изобретений российскому правительству». Русский министр в Стокгольме ван Сухтелен умер в 1836 году, и его место занял Лев Потоцкий, у которого, со слов Иммануила, были хорошие отношения с фон Гартманом. С помощью Потоцкого Гартман пообещал оказать всевозможную помощь Иммануилу в России. Он сдержал свое слово, снабдив Иммануила рекомендательными письмами, в том числе военному министру Александру Чернышеву и морскому министру Александру Меншикову, которые, по воспоминаниям изобретателя, «превосходили все мои ожидания».

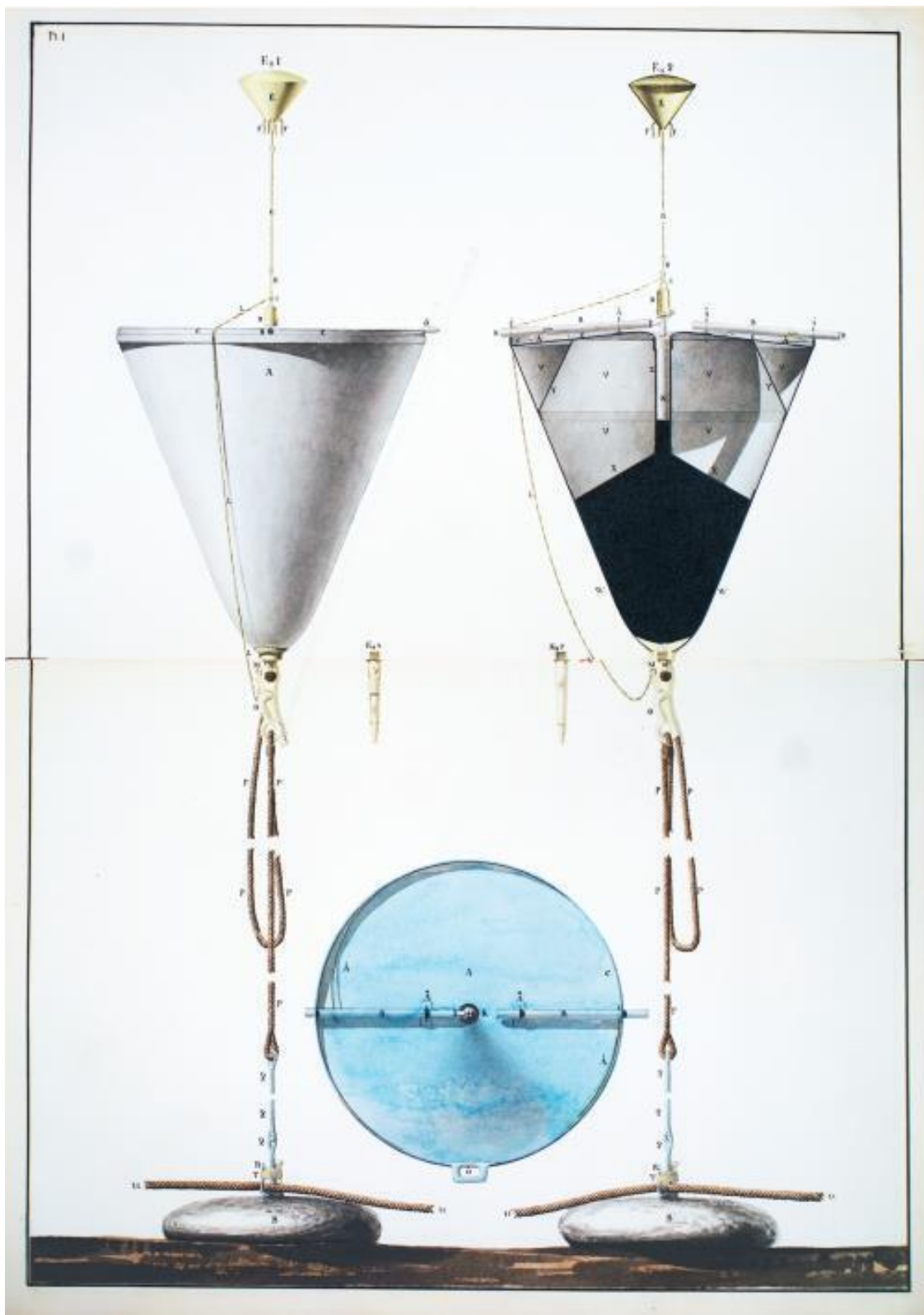
По словам Иммануила, за этими столь лестными рекомендациями лежали его идеи водонепроницаемых надувных солдатских ранцев. В это легко поверить, принимая во внимание их потенциальное военное значение. Также возможно, что с русской стороны присутствовало желание загладить инцидент, связанный с незаконным копированием его чертежей.

Являлись ли слова Гартмана предложением или приглашением российского правительства? Согласно одному источнику, Иммануил прибыл в Санкт-Петербург по *приглашению* Гартмана. Один советский исследователь намекал даже на то, что переезд в Петербург был следствием негласной договоренности между шведским и российским правительствами. Этому утверждению доказательств нет. Если такое соглашение и существовало, то его следует рассматривать в свете дружественных отношений между странами, отличающих период правления Карла XIV Юхана, в том числе между самим королем и Николаем I. Примером может служить частный визит императора в Стокгольм в 1838 году, дабы засвидетельствовать свое личное расположение шведскому королю. В связи со столь важным посещением несколько российских подданных были награждены орденом Св. Серафима, в том числе и Александр Меншиков, бывший не только морским министром, но и генерал-губернатором Финляндии, который в 1834 году возглавил чрезвычайную посольскую миссию в Стокгольм.

Портрет Ларса Габриэля фон Гартмана работы Тимолеона фон Неффа

Имел ли запрос Гартмана форму «предложения» или «приглашения», не так важно. Очевидно одно: в ходе бесед с фон Гартманом Иммануилу дали понять, что, если он готов предоставить в распоряжение русского правительства свой изобретательский талант, его встретят с распростертыми объятьями на самом высоком политическом и военном уровне.

Подводная шахта, акварель Иммануила

Иммануил Нобель и сыновья

Незадолго до Рождества 1837 года Иммануил отправился в Финляндию, но не на обычном пароходе, обслуживавшем маршрут Стокгольм – Або, а на почтовом судне. Первая часть пути до Аландских островов прошла спокойно, а на вторую половину пришлось немало драматизма. Ледяные заторы время от времени заставляли пассажиров покидать судно и самим тянуть его на бечеве по временами ломкому льду. Иммануил был счастлив, что остался жив. «Ступив ногою на твердую почву Финляндии, вознес я чувство благодарности тому, кто столь диковинно управляет судьбами нашими, и в этот раз спасшему меня ради близких моих».¹

Иммануил прибыл в Або 20 декабря. На следующий день он отправился на прием к фон Гартману, который встретил гостя с большой теплотой. Благодаря его заботам для Иммануила сразу же нашлось «подходящее жилье» – две комнаты у зажиточного купца Юхана Шарлина. Его также представили влиятельным людям города, принявшим его «самым дружелюбным образом». Среди этих лиц стоит упомянуть двоих весьма состоятельных горожан: коммерции советника Абрама Кингелина и городского аптекаря Эрика Юлина.

Немалое состояние Юлину принесла не фармацевтика, а предпринимательство, главным образом связанное с судостроением и судоходством. Кроме того, он был партнером в паровой компании, обслуживавшей маршрут Або – Петербург. Абрам Кингелин тоже был судовладельцем, хозяином верфи в Або и ведущей фигурой в финском деловом мире. Надо предположить, что у Иммануила, уроженца портового города, славившегося своими судоверфями и судоходством, с этими господами имелось немало тем для разговора.

Брат Эрика Юлина, Йон, тоже был успешным предпринимателем, владельцем чугунолитейного завода и механической мастерской «Фискарс» и близким другом фон Гартмана. Когда Иммануил в сопровождении Эрика посетил мастерскую, возможно, чтобы презентовать очередную свою идею, он был готов к тому, что богатый предприниматель не захочет «вступать в более тесные отношения с неимущим шведом». Но Йон Юлин оценил и его самого, и его «скромный талант». Неуверенность Иммануила объясняется не только неудачами последних лет, но и его комплексом неполноценности. Для человека простого происхождения, имеющего в багаже всего пару лет начальной школы и три года мореплаваний, общаться на равных с деловой элитой Финляндии, по всей вероятности, было непросто.

Сведений о пребывании Иммануила в Або немного. В «Списке выданных иностранцам пропусков для дальнейшего путешествия или проживания в пределах Империи» указано, что ему на один год было выдано разрешение на пребывание в городе с правом выезда в Петербург. Почему Иммануил, изначально направляясь в Петербург, задержался в Або на целый год – неясно. Обширная статья «О продуктах из каучука», опубликованная в апреле 1838 года в «Абоской газете», свидетельствует о том, что, несмотря на утрату своей мастерской, он продолжал рекламировать свою продукцию. Заказать и приобрести изделия из каучука можно было либо через него в Або, либо непосредственно по месту изготовления в Стокгольме.

Согласно его высказыванию, будучи в Або, Иммануил занимался «различными размышлениями», в том числе касательно камнерезной машины, способной прямо из скалы вырезать готовые каменные диски с двумя плоскими сторонами. Однако, как он сам утверждал, затея сошла на нет из-за отсутствия подходящей рабочей силы и мастерских. Через фон Гартмана он получил заказ на педальную мельницу для Абоской тюрьмы, но и этот проект сорвался из-за «личных интересов заведующего работами». Прямым свидетельством пребывания Иммануила в Або является большой каменный дом в городском квартале номер 16 (позже Нюгата, 8), который он спроектировал для Шарлина. Строение располагалось через дорогу от того дома Шарлина, в котором Иммануил квартировал. В 1827 году в Або случился пожар, в результате которого уцелела только треть домов, и город пришлось отстраивать заново. Дом Шарлина, с

виднеющейся на заднем плане башней городского собора, увековечен на самой старой в Финляндии фотографии – дагеротипе 1842 года.

Дом Шарлинов в Або, фотография (дагеротип) Хенрика Каяндера, 1842 год. На заднем фоне видна башня собора

Следующим важным лицом, с которым Иммануил познакомился в Або, был барон Юхан Рейнгольд (Иван Иванович) Мунк. Его карьера в русской армии развивалась стремительно. В девятнадцать лет он участвовал в оккупации Парижа, а поворотным моментом в его продвижении по службе стало восстание декабристов в 1825 году. В день вступления на трон императора Николая I ряд реформаторски настроенных офицеров восстал против самодержавия. Мунк и его полк не примкнул к заговорщикам, в связи с чем император приказал ему отвечать за расстрел пяти офицеров, приговоренных к смертной казни. По словам знакомых, этот факт биографии мучил его всю оставшуюся жизнь. В любом случае доверительные отношения между императором и Мунком способствовали взлету карьеры. На момент знакомства с Иммануилом Мунк был полковником и командиром батальона Павловского полка, а уже в 1839 году был назначен генерал-майором и командиром Преображенского полка.

Человек, благодаря которому знакомство состоялось, был барон Юхан Клас Флеминг, камергер шведского наследного принца Оскара. Он знал Иммануила еще по Стокгольму и застал того во время одного из своих посещений Або. По словам Иммануила, Флеминг попросил Мунка «дружелюбно позаботиться обо мне по приезде моем в Петербург», что Мунк и выполнил.

Город на Неве

Несмотря на светлые надежды, связанные с его будущим в профессиональном плане, последние месяцы пребывания Иммануила в Або были тяжелы в плане личном. 31 августа 1838 года умер его любимый брат Бернхард, а менее чем через пять недель ушла из жизни двухлетняя дочь Шарлотта.

После года проживания в Або Иммануил 20 декабря 1838 года наконец прибыл в Петербург.¹ Море было сковано льдом, и путешествие шло по суше. Встретил его говоривший по-шведски офицер, которого полковник Мунк послал помочь на таможне. В Петербурге Мунк дал возможность Иммануилу найти жилье у одной шведки по фамилии Хольмквист и оставил в его распоряжении говорящего по-шведски офицера. В социальном плане Иммануил первое время был достаточно беспомощен, поскольку не знал ни русского, ни двух других основных языков, на которых общались в российской столице, – французского (языка общества) и немецкого (языка делового и торгово-ремесленного мира).

Мунк сразу ввел Иммануила в самые влиятельные шведскоязычные круги Санкт-Петербурга. Свой первый сочельник Иммануил отпраздновал у барона Густава фон Котена. Его отец, Густав фон Котен-старший, был главным судьей Выборгского судебного округа и членом экономического департамента Императорского Финляндского сената, а также носил чин действительного статского советника. Густав-младший служил штабс-капитаном императорского Московского лейб-гвардии полка и являлся младшим братом штабс-капитана Казимира фон Котена. Последний занимал высокие посты в Финляндии и России и был адъютантом морского министра Меншикова. Анна Шарлотта, жена Казимира фон Котена, приходилась Ларсу Габриэлю фон Гартману сводной сестрой и, как и жена брата, была фрейлиной императрицы. В числе гостей был сам Казимир и его самый младший брат Мориц – лейтенант императорского Московского лейб-гвардии полка. Мориц, как и барон Юган Аксель Седеркройц, родился в Швеции, но с юных лет состоял на русской службе, которая впоследствии привела его на должность губернатора Абоской и Порской губерний.

Еще один гость, генерал-майор Андерс Эдвард (Эдуард Андреевич) Рамзай, был начальником 3-го стрелкового Финского лейб-гвардии батальона в Петербурге. Он отличился в 1825 году во время восстания декабристов, когда лично ему была поручена охрана наследника престола, будущего Александра II, а также Андерс Эдвард принимал участие в подавлении Польского восстания в 1830 году. За рождественским столом присутствовал также Август Маннергейм, годом ранее в компании с фон Гартманом посетивший Стокгольм, с которым Иммануил, судя по всему, был лично знаком. По словам Иммануила, сочельник прошел «самым приятным образом», хотя и тяжело было ему вспоминать об оставленной в Стокгольме семье.

Учитывая высокие административные и командные должности хозяина и его гостей, можно было подумать, что речь шла о людях пожилого возраста. Это не так – все присутствующие были ровесниками Иммануила или моложе него. Густаву фон Котену-младшему было тридцать лет, его жене – двадцать лет, а сыну – пять месяцев. Общество, в которое ввели Иммануила, своим общественным положением, традициями и родственными связями представляло собой сплоченную и влиятельную шведскоязычную элиту. Их непоколебимая преданность русскому императору сыграла важную роль в карьере нового члена шведской общины в российской столице.

¹ В России Иммануила часто нарекали Эммануилом. В этой книге везде сохранена форма Иммануил (Immanuel), не только потому что это его настоящее имя, но и чтобы отличить его от его внука Эммануила, игравшего в семейной истории не менее заметную роль.

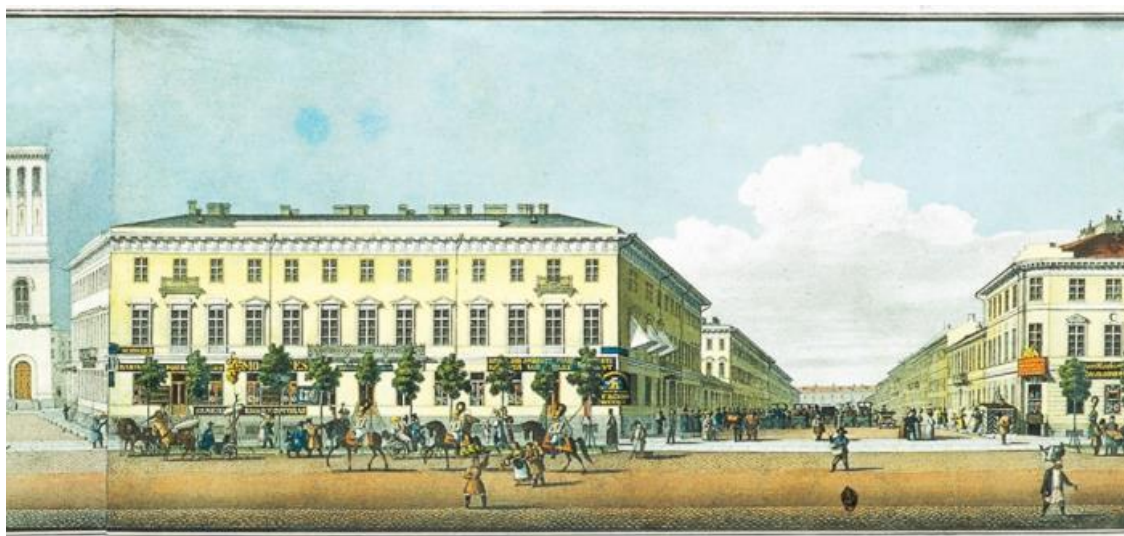
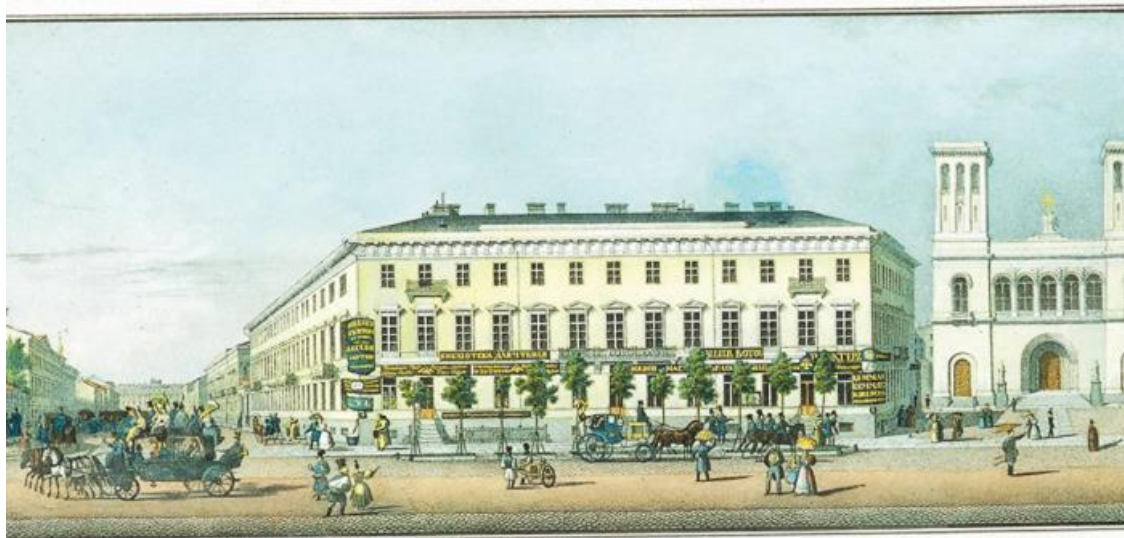
Опыты со взрывчатыми веществами

Во время своих мореплаваний Иммануилу поверхностно удалось ознакомиться с миром вне родины. Но ничто из того, что он видел за годы в Средиземном море, не могло сравниться с тем, что предложила его взору российская столица. Основанный в 1703 году и ставший российской столицей в 1712 году, Санкт-Петербург всего за столетие превратился из ничего в мировой мегаполис. Населяло столицу около полумиллиона жителей, что сделало Санкт-Петербург одним из крупнейших городов Европы.

На момент прибытия Иммануила в Россию страной железной рукой правил Николай I, чье прямолинейное мышление наложило отпечаток как на архитектуру, так и на общественный климат. Идеалом императора была казарма – и как строение, и как строй мышления. Россия была абсолютной монархией, где подданные жили в условиях политического гнета и парализующей бюрократии. Экономика страны была централизована, капитализм не развит, хотя и были разрешены торговые дома. Любой амбициозный предприниматель должен был иметь связи на самом высоком уровне. Это касалось всех, но особенно – иностранцев.

Как и пребывание в Або, первое время Иммануила в российской столице скупо документировано, поэтому о его жизни в этот период мы знаем главным образом из его собственных воспоминаний. Летом 1839 года он получил возможность продемонстрировать концепцию воздухо- и водонепроницаемых ранцев, которые он к тому времени переделал в своего рода сундуки. На подготовку ему было выделено из казны три тысячи рублей серебром, испытание технологии проходило на канале около Нарвской заставы в присутствии высокопоставленных военных. Переправа через понтонный мост с верховой батареей и одной пушкой прошла превосходно, но эксперимент ни к чему не привел. Причина заключалась в том, что качество эластичной резины зависит от внешней температуры: при нагревании изделия становились мягкими и липкими, а при охлаждении – жесткими и ломкими. Осуществить идею удалось только благодаря методу вулканизации, который открыл Чарльз Гудьер в том же году. Однако в промышленность новая технология обработки каучука была внедрена гораздо позже.

Вскоре после смерти брата и дочери, осенью 1838 года, Иммануила настигла еще одна скорбная весть. 29 января 1839 года скончался его отец, которому был восемьдесят один год. Иммануил унаследовал часть родительского дома в Евле, которую он продал своему шурина, брату Андриетты, таможенному начальнику Людвигу Альселю. Эта доля наследства была оценена всего в триста двадцать пять крон, что вряд ли помогло ему уладить финансовые проблемы. Кроме того, раздел наследства затянулся, перейдя в тяжбу, поскольку незадолго до кончины у брата Бернхарда возникли крупные долговые обязательства, гашение которых теперь легло на плечи Иммануила и его шурина.

Великолепный вид, который встретил Иммануила по приезде в Санкт-Петербург: Невский проспект у Немецкой церкви. Справа – улица Малая Конюшенная, где находилась шведская церковь и проживали шведы и другие выходцы из скандинавских стран. Акварель 1828 года. Неизвестный художник

Осенью 1839 года Иммануил вместе с управляющим шведского порфиروهого завода Й. Э. Экстрёмом основал «механическое учреждение». В 1838 году Экстрём отвечал за доставку порфировой вазы, подарка шведского короля Карла XIV Юхана Николаю I, которую впоследствии установили в Летнем саду. Императорское вознаграждение за аккуратную перевозку составило две тысячи рублей, которые Экстрём вложил в совместное с Иммануилом дело. Остальной стартовый капитал внесли владелец серебряно-бронзовой мастерской в Петербурге Карл Тегельстен и его директор Карл Леннгрен. Единственное, что известно о судьбе «механического учреждения», это то, что Иммануил оставался в долгу перед Экстрёмом до конца своих дней.²

К Иммануилу поступали разного рода заказы. Мунк познакомил его с генерал-майором Иваном Рёрбергом, вице-директором Департамента военных поселений, который попросил Иммануила устранить сырость в казармах Московской гвардии. Для решения этой задачи Иммануил спроектировал печи, которые не только осушали и нагревали воздух, но и значи-

тельно экономили дрова: по сравнению со старыми печами расход топлива сократился на две трети. Сей успешный результат привел к установке его печей в различных государственных зданиях. Однако плату за свою работу Иммануил не получил. Явившись к министру путей сообщения и публичных зданий Петру Клейнмихелю, он был, по собственному утверждению, принят как «проситель подаяний», и в компенсации ему было отказано.³

Неиссякаемый и необузданный гений Иммануила породил огромное количество изобретений, но слава его зиждется преимущественно на одном из них: на подводной mine. Российское правительство в течение многих лет поощряло и финансировало разработки новых видов оружия для защиты отечественных портов. В ноябре 1839 года был образован Комитет по подводным опытам (Минный комитет), возглавляемый высокопоставленными военными чинами и одним штатским, немецким профессором физики Морицем Германом (Борисом) Якоби. Профессор прибыл в Петербург в 1837 году по приглашению правительства. В задачу комитета входила, в частности, оценка пользы от подводных мин, разработанных военным инженером Карлом Шильдером, генерал-адъютантом Николая I.

В течение 1840 года было проведено несколько испытаний мин Шильдера – небольших пороховых зарядов, расположенных на поверхности воды. Детонация происходила за счет гальванического (электрического) разряда, посылаемого через управляемый с суши кабель. За техническое решение отвечал Якоби. Проблема заключалась в отсутствии достаточно хороших методов изоляции кабеля, позволявших без обрыва или короткого замыкания протянуть его на сотни метров под водой. В связи с этим было трудно избежать нежелательных детонаций. Решение этой проблемы появилось только несколько лет спустя, после открытия Вернером фон Сименсом изоляционных качеств гуттаперчи.

Однажды во время обеда у морского министра Меншикова Иммануил (через переводчика) услышал, как Шильдер, Якоби и несколько других высокопоставленных военных обсуждают назначенные на следующий день испытания подводных мин. Там также присутствовал и Эберхард (Иван) фон Шанц, еще один видный финн, состоявший на русской службе. Фон Шанц был корабельным конструктором и заслуженным морским офицером, дослужившимся в будущем до адмирала.

Вступив в дискуссию, Иммануил утверждал, что, находясь на большом расстоянии, практически невозможно определить ни местонахождение корабля, ни момент детонации мины. На вопрос Шильдера, известен ли в Швеции лучший метод, он ответил отрицательно, но выразил убежденность в том, что имеется более удачное и безопасное решение. Если бы правительство возместило ему расходы, связанные с подготовкой и проведением испытаний, он бы продемонстрировал такое решение. На что Шильдер ответил, что «ежели дело увенчается успехом, то я бы смог запросить и получить за него сколько ни пожелаю». Непрошеное вмешательство Иммануила в дискуссию и его во многих отношениях рискованное предложение показывают, что работа над минами не была для него чем-то новым. Еще в Стокгольме (и, вероятно, также в Або) ему доводилось разрабатывать противопехотные мины.

Подводная мина Иммануила состояла из наполненного порохом бочонка, который привязывался к зафиксированному на морском дне канату. В отличие от мин Шильдера и Якоби, воспламенявшихся посредством гальванического провода, мина Иммануила взрывалась при соприкосновении с вражеским кораблем. Взрыв происходил в момент столкновения корабля с одним из трех детонаторов, расположенных под крышкой бочонка.

Великий князь Михаил Павлович, брат императора

В сентябре 1840 года Иммануил представил свой метод великому князю Михаилу Павловичу (1798–1849), младшему брату императора. Великий князь был генерал-инспектором по инженерной части и оказал решающее влияние на технологическое развитие военной области. Он заинтересовался идеей Иммануила и поручил Минному комитету проверить, осуществима ли она. 12 октября 1840 года на Малой Невке было проведено испытание.

В 1860-х годах Иммануил написал несколько акварелей, изображающих производство мин. На картине показано их размещение

Испытание проходило следующим образом. При помощи закрепленного под бочонком блока с балластом мину погрузили на заданную глубину. Маневрировать ею можно было при помощи продетого через блок каната. Таким образом, находясь на суше, становилось возможным определить местоположение и глубину залегания мины. Сложность операции состояла в том, чтобы объяснить четырем русским матросам, «которые не понимали меня, так же как и я не понимал их языка», как установить заряженную мину «без каких-либо мер безопасности». Это был «наиболее рискованный шаг из всех, что я когда-либо предпринимал», вспоминал потом Иммануил. Несмотря на просьбы предоставить ему в помощники шведскоязычных финнов, минерами назначили русских. Сознывая, что любое колебание приведет к «нежелательному для меня исходу», пришлось тем не менее смириться с «воистину смертельной опасностью», грозящей ему и его гребцам.

Предназначенное к взрыванию судно оказалось плотом. В момент столкновения плота с миной устройство сработало, и плот разлетелся на куски. Генерал Шильдер был так счастлив, что обнял и поцеловал Иммануила, а затем пустился в пляс. Столь неожиданный эмоциональный порыв генерала объяснялся тем, что он был ответственен за минный проект, который до сих пор не давал желательных результатов и при этом обходился казне очень дорого.

Испытание на Малой Невке снискало единодушное одобрение Минного комитета, о чем свидетельствует отчет, составленный уже на следующий день после испытания и незамедлительно переданный Михаилу Павловичу. О результатах отчитывался генерал-лейтенант Петр Козен, герой Наполеоновских войн. В отчете он отметил, что опыт был «совершенно удовлетворительным и соответствующим цели». До тех пор неизвестный в России способ детонировать мины «только столкновением с плавучим телом <...> представляет изобретение большой важности, о каковом заключении Комитет имеет счастье донести Вашему Императорскому Высочеству».

В отчете есть намек на то, что в случае неприятия его предложения Иммануил намеревается вернуться в Швецию. В связи с этим комитет предложил выплатить ему возмещение

в размере двадцати пяти рублей серебром за каждый день работы по дальнейшему развитию мины. Очевидно, Иммануил был недоволен темпами своего продвижения в России, но после успешного испытания отбросил мысли о том, чтобы покинуть Петербург. Вместо этого начались переговоры об условиях его сотрудничества с Минным комитетом. Иммануил заявил о своей готовности продать свое изобретение российскому государству за двадцать пять тысяч рублей серебром, что тогда равнялось примерно сотне средних годовых окладов. Кроме того, он запросил по двадцать пять рублей в день (эквивалент месячной зарплаты) за время, необходимое для обучения российских рабочих.

Однако осенью Иммануил заболел, и переговоры были приостановлены. Поскольку, по формулировке Иммануила, «система правления в России такова, что недостатка в интригах здесь никогда не наблюдается», пока он занимался здоровьем, комитет поручил лейтенанту флота Карлу Отто Рамстедту дальнейшую разработку нобелевской мины. Рамстедт проделал тот же эксперимент, что и Нобель, правда, по словам Иммануила, в умывальном тазу, «не учитывая большой разницы между созданием настоящей мины и бросанием куска калия в воду».

Снисходительный отзыв о Рамстедте был, возможно, вызван чувством обманутости и обойденности. При этом его можно рассматривать и в качестве профессиональной зависти, усиленной тем, что сопернику было всего двадцать семь лет. Уроженец Хельсинки, Рамстедт был талантливым изобретателем. В качестве примера можно привести, что в 1842 году российское правительство предоставило ему десятилетнюю привилегию на метод использования магнитов «для поиска и извлечения из воды больших металлических грузов». Когда летом 1846 года шведский наследный принц Оскар прибыл в Петербург на свадьбу великой княгини Ольги с принцем Карлом Вюртембергским, Рамстедт, будучи его официальным сопровождающим, был пожалован бриллиантовым кольцом. А осенью того же года, во время посещения Швеции в связи с русским правительственным заказом Механическому заводу в городе Мутала, был удостоен шведского ордена Меча.

Акварель Иммануила, на которой изображено, как судно с турецким флагом подрывается на подводной mine. Двое мужчин, наблюдающих за успешным экспериментом, – сам Иммануил и, предположительно, великий князь Михаил Павлович

Через несколько дней после наступления нового, 1841 года Минный комитет обратился к Михаилу Павловичу, доложив о проблемах при сотрудничестве с Иммануилом, с рекомендацией отказаться от его изобретения. Пожелание мотивировалось величиной затрат, в том числе связанных с отсутствием у Иммануила языковых знаний, что требовало дополнительных денег для найма переводчика. Также была отмечена возможность разработки подобной mine собственными силами (то есть Рамстедтом). Еще через месяц генерал-инспектор приказал Минному комитету выплатить Нобелю одновременно сумму в тысячу рублей и приостановить с ним сотрудничество.

Сдаваться было не в характере Иммануила. Поворотный момент наступил в июне 1842 года, когда было проведено новое испытание, на этот раз под наблюдением, как писал Иммануил, «честного во всех отношениях» генерала Козена. Испытание и в этот раз было успешным. В отчете Михаилу Павловичу отмечалось, что «едва нос барки коснулся mine, как последовал взрыв, и разметанная на мелкие части барка погрузилась в воду». Комитет пришел к выводу, что нобелевский метод детонации подводных мин «основан на ясных, остроумно приложенных и опытом оправданных законах физики, механики». Поэтому комитет счел полезным «обратить на сии mine особое внимание ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА как на вещь, заслуживающую по жертвованию со стороны Правительства».

Согласно этому отчету, нобелевские mine были готовы для пробной демонстрации пред лицом самого императора. Императорское Величество повторные испытания не наблюдал, однако на морском полигоне 2 сентября 1842 года присутствовали его брат Михаил Павлович и наследник престола Александр Николаевич. Через две недели генерал-инспектор сообщил «иностранцу Нобелю», что «за переданное им изобретение имеет быть выдано ему по ВЫСОЧАЙШЕМУ велению в самом непродолжительном времени *двадцать пять тысяч рублей серебром*». Одновременно с этим Иммануила снова пригласили в Минный комитет с окладом в двадцать пять рублей в день.

Новость эта вскоре достигла Швеции. В прессе сообщалось, что «Российское правительство в Петербурге выплатило шведскому подданному, г-ну Э. Нобелю, вознаграждение в размере восьмидесяти тысяч рублей за изобретение, которое с помощью подводных бомб защищает порты и фарватеры от вражеских кораблей. Согласно полученному описанию, эти военные машины состоят из пороховых бочек, фиксированных под водой, которые детонируют от трения при столкновении, взрывая днище корабля».

Благодаря экономической поддержке правительства Иммануил в течение ближайших лет продолжал совершенствовать свои подводные mine и в том числе разрабатывать метод, который обеспечит свободный проход собственным кораблям и при этом поразит вражеские судна. Интерес Иммануила к взрывным устройствам не ограничивался лишь подводными минами. В ходе многолетней работы над ними он предложил российскому правительству и другие «способы истреблять неприятеля на значительном расстоянии», а именно при помощи полевых и дорожных мин. Осенью 1841 года он запросил сорок тысяч рублей компенсации за свое изобретение. Генерал-инспектор одобрил сумму при условии успешного испытания. Таковое состоялось несколько лет спустя в присутствии великого князя Михаила Павловича, по словам Иммануила, «с самым удачным исходом».

Хотя Иммануил считал вознаграждение заслуженным, всё же он отказался от денег. Он запросил только компенсацию за понесенные расходы, рассудив, что одного испытания недостаточно для доказательства эффективности мин в военных условиях. Но всё же после даль-

нейших опытов с полевыми минами в 1846 и 1848 годах Иммануил получил две выплаты по десять тысяч рублей серебром каждая.

Привилегированная фабрика полковника Огарёва и г-на Нобеля

Как только Иммануил получил обещанные двадцать пять тысяч рублей, он выписал свою семью из Стокгольма. 27 октября 1842 года в «Абоской газете» появилась заметка о том, что пароходом «Солид» из Стокгольма прибыла «госпожа Нобель с двумя сыновьями». Сыновьями были Людвиг и Альфред. Старшего брата Роберта с ними не было. В возрасте двенадцати лет он пошел по стопам отца и нанялся каютным юнгой в Северное море. Компанию путешественникам составляла служанка София Вальстрём, которая останется в семье Нобель в общей сложности на двадцать пять лет. До Або семью также сопровождал брат Андриетты Людвиг, который вернулся затем обратно в Стокгольм.

Судя по всему, до прибытия в Петербург в конце февраля 1843 года Андриетта и дети остановились в Або почти на четыре месяца. Вместе с ними находился и Иммануил, воссоединившийся с женой и детьми после пятилетней разлуки. Роберт присоединился к семье в Петербурге четыре месяца спустя, в июне.

Параллельно с работой над различными минными проектами неутомимый мозг Иммануила решал вопрос автоматизированного способа изготовления каретных колес. Это следует из его письма от 25 декабря 1841 года к шведскому механику Сведбергу. В послании Иммануил спрашивает, был бы механик заинтересован «на удовлетворительных условиях, на краткое или длительное время, покинуть родную землю <...> для построения машин по изготовлению колес французским образом, содействуя необходимыми сведениями по этому вопросу».

Разумеется, до получения вознаграждения за разработку подводной мины не могло быть и речи о начинании какого-либо производства каретных колес или же машин для их изготовления. Но когда финансовое положение было поправлено, а семья обосновалась в Петербурге, планы по созданию механической мастерской постепенно стали формироваться.

К этому времени Россия, обладавшая огромными природными ресурсами, была самой большой страной в Европе с населением в шестьдесят миллионов человек. Однако, несмотря на усилия ряда российских правителей, империя по-прежнему была экономически неразвита. Главной причиной тому была косность социальной структуры, покоящейся на том, что большая часть населения являлась привязанными к земле крепостными. Опасаясь подрыва своего положения и своих привилегий, императорская семья и землевладельческий класс относились с большой опаской к проведению необходимых реформ.

В начале XIX века Россия, заключив торговые соглашения с рядом стран, экспортировала большое количество зерна. Доходы от экспорта направлялись не на развитие экономики страны, а в основном в карманы государства и землевладельцев. Тяжелая промышленность существовала, но была по сравнению с западной очень неразвита, и почти всю технологию приходилось импортировать.

Долгое время после Французской революции любое иностранное влияние рассматривалось с большим подозрением, что привело к ограничениям правового статуса иностранных предпринимателей в России. Юридическое положение заграничного купца определялось понятием «иностранец» или «иностраный гость». Не получив русского подданства, такой купец, например, не мог стать членом купеческой гильдии.

Создание и управление предприятиями иностранцами разрешалось только с дозволения императора. Однако это распространялось только на западноевропейцев. Азиатские купцы имели дело с более благоприятными условиями, что свидетельствует о том, что ограничения имели политическую подоплеку и имели целью предотвращение распространения

нежелательных идей. При этом мотив был не только идеологическим. В той же мере эти ограничения должны были стимулировать отечественное предпринимательство. Поскольку желаемого результата не последовало, они постепенно снимались. В 1807 году было получено разрешение на создание торговых домов и предприятий с солидарной ответственностью. С другой стороны, создание акционерных обществ допускалось только в исключительных случаях по высочайшему дозволению. Ситуация изменилась только в 1836 году, когда было принято положение об акционерных обществах. Правила образования таковых были одинаковыми для российских и иностранных подданных.

Следовательно, идея Иммануила о создании механической мастерской была своевременной. К 1830 году по всей России существовало всего семь подобных предприятий, потребность же в них была огромна.

Когда Иммануил решился открыть свою механическую мастерскую, конкуренция, хотя и небольшая, всё же существовала. Основным конкурентом был другой иностранец, шотландец Фрэнсис (Франц) Берд. Его отец Чарльз вместе с еще одним шотландцем, изобретателем и механиком Карлом Гаскойном, прибыл в Россию в 1786 году по приглашению российского правительства для реконструкции и модернизации Петрозаводского пушечно-литейного завода. В 1792 году Берд открыл собственную механическую литейную мастерскую – первую в России. После его смерти в 1843 году управление перешло к его сыну. Механическая мастерская Берда принимала участие в строительстве нескольких крупнейших мостов Петербурга, а также в возведении Александровской колонны на Дворцовой площади. Берд спроектировал первый российский пароход (1815 г.) и ко времени прибытия Иммануила в российскую столицу имел исключительную привилегию на производство пароходов и на пароходное движение во всей России.

Еще в 1850 году в России существовало всего двадцать пять частных механических мастерских. Большинство из них владели английские или шотландские семьи: Берд, Карр & Макферсон, Уилкинс, Эллис & Баттс, Ишервуд. Численность рабочих составляла 1475 человек, а общий оборот производства равнялся 423 тысячам рублей. Для сравнения укажем, что импорт скобяных изделий составлял в то время более двух миллионов рублей.

Возможно, положение об акционерных обществах от 1836 года и было одним из аргументов фон Гартмана, когда тот предложил Иммануилу переехать в Россию. Разумеется, к тому времени деловой климат в России стал гораздо благоприятнее, но, тем не менее, незнакомому с русским обществом иностранцу было сложно самостоятельно открыть свое дело. Поэтому Иммануил связался с поручиком Николаем Огарёвым (1811–1867), бывшим на десять лет моложе него. Огарёв был сыном капитана Финляндского лейб-гвардии полка и отличился во время подавления Польского восстания в 1830 году, когда ему было всего девятнадцать лет. За это он был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с лентами, а в 1838 году назначен адъютантом великого князя Михаила Павловича.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.